© 2021. И. А. Виноградов

Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук
г. Москва, Россия

Художник и власть.

Н. В. Гоголь и цензурная политика XIX–XX вв.

Аннотация: Статья посвящена историко-теоретическим проблемам отношений художника и власти. В работе обобщаются старые и формулируются новые методологические принципы изучения деятельности российской цензуры XIX в. Всестороннее изучение цензурных историй произведений Н. В. Гоголя вносит существенные коррективы в представление об исключительно негативной роли цензуры в его писательской судьбе, свидетельствует в целом о положительном итоге взаимодействия с цензурным ведомством. Анализируется ограниченность унаследованного от истекшей эпохи «классового подхода» в понимании и оценке цензуры, которая на самом деле представляет необходимую систему регламентирующих норм и ограничений. Подчеркивается социальная значимость общественного института цензуры как важнейшей составляющей культуры. При известных недостатках цензурного ведомства в XIX в., освещению которых уделяла исключительное внимание предшествующая радикальная критика, российская цензура стояла на переднем крае борьбы с теми негативными процессами, которые получили развитие в последующем XX в. Исследуется характер гоголевской сатиры как формы государственного служения. В числе подцензурных проблем рассматривается соотношение духовно-пастырского обличения с государственными интересами.

Ключевые слова: Гоголь, биография, творчество, цензура, интерпретации, авторский замысел, поэтика, сатира, общественная идеология, история России, духовное наследие.

Информация об авторе: Игорь Алексеевич Виноградов, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9151-4554>

E-mail: info@imli.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 03.11.2020

Дата одобрения статьи рецензентами: 29.01.2021

Дата публикации статьи: 22.03.2021

Для цитирования: Виноградов И. А. Художник и власть. Н. В. Гоголь и цензурная политика XIX–XX вв. // Два века русской классики. 2021. Т. 3, № 1. С. 40–111. DOI <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-1-40-111>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution
4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 3, no. 1, 2021, pp. 40–111. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 3, no. 1, 2021, pp. 40–111. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2021. **Igor' A. Vinogradov**
A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Artist and Authorities.

Nikolay Gogol and the Censorship Policy of the 19th — 20th Centuries

Abstract: The article is devoted to historical and theoretical problems of relations between an artist and the authorities. The work summarizes old methodological principles for studying Russian censorship in the 19th century and formulates the new ones. A comprehensive study of the censorship histories of N. V. Gogol's works introduces significant adjustments to the idea of the exclusively negative role of censorship in his literary fate, and proves the overall positive interaction with the censorship department. The author analyzes the limitations of the “class approach” inherited from the past era in the understanding and assessment of censorship, which in fact represents a system of regulatory norms and restrictions. The social significance of the institution of censorship as the most important component of culture is emphasized. Despite the well-known shortcomings of the censorship department in the 19th century, which was exclusively covered by the radical criticism, Russian censorship was at the forefront of the struggle against negative processes that developed in the subsequent 20th century. The character of Gogol's satire as a form of public service is studied. The correlation of spiritual and pastoral denunciation with state interests is considered among other censorship issues.

Keywords: Nikolai Gogol, biography, creativity, censorship, interpretations, author's intention, poetics, satire, social ideology, history of Russia, spiritual heritage.

Information about the author: Igor' A. Vinogradov, DSc in Philology, Director of Research, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9151-4554>

E-mail: info@imli.ru

Received: November 03, 2020

Approved after reviewing: January 29, 2021

Published: March 22, 2021

For citation: Vinogradov, I. A. “Artist and Authorities. Nikolay Gogol and the Censorship Policy of the 19th — 20th Centuries.” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 3, no. 1, 2021, pp. 40–111. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-1-40-111>

1. Методология и идеология

Литературоведение давно нуждается во всестороннем обзоре взаимоотношений писателя и цензуры как одной из важных составляющих проблемы художник и власть, литература и государственность. Цензура, через которую государство, помимо других мер, осуществляет свое воздействие на литературу, занимает первостепенное место во взаимоотношениях писателя и власти. Важнейший материал для анализа политики государства в отношении литературы — а также отражения этой политики в художественном творчестве — представляет собой наследие Н. В. Гоголя, оказавшего значимое влияние на литературный процесс XIX в. Тема «Гоголь и цензура» является одной из востребованных и одновременно наименее изученных в биографии и творчестве художника. Долгое время идеологические спекуляции на тему «Гоголь под николаевской цензурой», «Гоголь и царская цензура» (названия статей, выходивших в 1920–1980-х гг.¹) играли немаловажную роль в создании навязанного обществу радикальным критиком В. Г. Белинским мифа о «двух Гоголях» — обличителе самодержавия, «великого вождя <...> на пути <...> прогресса» в первом периоде творчества [Гоголь 2009–2010. 14: 367] и представителе «мракобесия» в последние годы жизни. Обстоятельства внелитературного характера на долгое время лишили исследователей возможности адекватно осветить эту проблему. Вследствие этого, несмотря на крайнюю — идеологически заостренную «актуальность» в советскую эпоху темы «Гоголь и цензура», оказалось, что за шестьдесят лет по этому вопросу не было написано ни одной книги, не было защищено ни одной диссертации.

Личность Гоголя является ключевой в литературе XIX в., творчество писателя знаменует собой переломный момент в развитии русского общества. Этот перелом означен деятельностью одного из главных

¹ См. [С. (псевдоним); Свиясов; Сдобнов].

гоголевских оппонентов, западника Белинского, зарождением под его началом «натуральной школы» и во многом благодаря Гоголю формированием реалистического направления отечественной словесности. В послегоголевскую эпоху образовалась целая плеяда критиков и литераторов, а затем и исследователей, выросших на радикальных истолкованиях наследия Гоголя, т. е. на очевидном недоразумении, недопонимании — и, очень часто, сознательном искажении смысла творчества писателя. Предвзятое мнение Белинского о Гоголе является, по сути, главным «оправданием» этой когорты исследователей — единственным «гвоздем», на котором они «повесили» все свое значение в литературе. («Если все вешать на одном гвозде, так уже следует запастись, по крайней мере, хорошим гвоздем...» — говорил Гоголь [Виноградов 2011–2013. 3: 465].) Назрела необходимость аргументированно обозначить ключевые противоречия и неочевидные нонсенсы в развитии нашей словесности.

В современных критике и литературоведении проблемы «художник и власть», «писатель и цензура» до сих пор интерпретируются по преимуществу в негативном плане. Эта традиция в свою очередь была задана еще в XIX в. продолжателями Белинского. Обращение к наследию Гоголя помогает преодолеть стереотипные представления о возможностях и границах сотрудничества государственной власти и личности, развенчать предвзятое мнение о существовании непреодолимого барьера между самовыражением художника, его гражданской позицией и литературной политикой государства.

С назревшей необходимостью объективного подхода к изучению цензуры XIX в. связан целый ряд конкретных методологических принципов в освещении этой темы.

1. Научный подход к описанию взаимоотношений писателя и цензуры требует воссоздания диалога Гоголя с властью в полном объеме. Долго употреблявшаяся в качестве аксиомы, ничем не доказанная гипотеза о постоянных преследованиях Гоголя со стороны правительственной цензуры исходит из такого же заведомо ложного убеждения, будто писатель заключал в себе огромный оппозиционный потенциал в отношении к существующей власти, оставшийся, по причине цензурных препон, не вполне реализованным. Однако, как следует из содержания произведений и многочисленных фактов биографии художника, религиозные и политические взгляды Гоголя никогда не противоречили

официально принятой в России в XIX в. идеологии, которая являлась наследием ее многовековой истории. Из признаний самого Гоголя известно, что «внутренне», в главных своих убеждениях, он не изменялся никогда — шел «тою же дорогою» [Гоголь 2009–2010. 6: 228], «не шатаюсь и не колеблюсь никогда во мнениях главных», «с 12-летнего, может быть, возраста» [Гоголь 2009–2010. 12: 392], т. е. от самого поступления в Нежинскую гимназию в 1821 г.¹ Этому позднейшему гоголевскому признанию точно соответствуют строки его юношеского письма от 3 октября 1827 г., написанного к двоюродному дяде Петру П. Косяровскому в последний год обучения в Нежине: «Еще с самых времен прошлых, с самых лет почти непонимания, я пламенел неугасимою ревностью сделать жизнь свою нужною для блага государства, я кипел принести хотя малейшую пользу» [Гоголь 2009–2010. 10: 74]. Отношения писателя с цензурой, вопреки навязанным впоследствии представлениям, никогда не содержали в себе ничего экстраординарного, что бы нарушало обычную практику взаимоотношений цензора и писателя. Такой вывод вполне подтверждается всеми, без исключения, цензурными историями гоголевских произведений².

2. Критической оценки требует также сложившийся в советских ангажированных работах взгляд на цензоров как на ограниченных, недалеких чиновников. По весьма субъективному, далекому от реальности заявлению В. В. Набокова, «в цензоры шли негодяи и недоумки» [Набоков: 27]. Что касается российских цензоров XIX в., то в подавляющем большинстве они были личностями одаренными и вполне компетентными для исполнения той обязанности, которая была возложена на них правительством. Почти все так или иначе были связаны с литературой и журналистикой, создавали художественные произведения, переводы, мемуары, занимались издательской деятельностью. Достаточно сказать, что цензорами были известные писатели и поэты Н. И. Греч (служил цензором в 1813–1815 гг.), В. Г. Анастасевич (1826–1828), князь В. Ф. Одоевский (1826–1840), С. Т. Аксаков (1827–1832),

¹ См. подробнее: [Виноградов 2015: 185–186; Виноградов 2017–2018. 1: 309–310].

² Цензурные истории произведений Гоголя подробно рассмотрены автором статьи в монографии «Н. В. Гоголь и цензура. Взаимоотношения художника и власти как ключевая проблема гоголевского наследия» (готовится к печати).

С. Н. Глинка (1827–1830), В. В. Измайлов (1828–1830), О. И. Сенковский (1828–1833), П. А. Корсаков (1835–1844), Ф. И. Тютчев (1844–1873), И. И. Срезневский (1847–1850), П. И. Капнист (1855–1862), князь П. А. Вяземский (1856–1858), И. А. Гончаров (1856–1867), И. И. Лажечников (1856–1858), Е. Е. Волков (1860–1864), К. Н. Леонтьев (1880–1887) и др. Из них Аксаков, Вяземский, Одоевский, Срезневский были близкими друзьями Гоголя. Одоевский даже разрабатывал цензурный устав 1828 г.¹, который называл «своим»: «...В мире чиновническом замечаю мой Ценсурный Устав 1828-го года² и Права Авторской Собственности³, о которой до меня никто и не думал...» [Одоевский 1929: 67].

Назначаемые на должность правительством российские цензоры в большинстве своем разделяли государственную литературную политику, хотя встречались такие, например, А. В. Никитенко, Н. И. Крылов, которые вели «двойную игру»: под показной служебной лояльностью скрывали недовольство и оппозиционные настроения. Подобных примеров в изучаемый период было немало: свои особые виды, не согласные с правительственными, имели также цензоры М. Т. Каченовский, О. И. Сенковский, Е. И. Ольдекоп, С. Н. Глинка, Л. Л. Штюрмер и др.

3. Литературная политика правительства осуществлялась главным образом на законодательном уровне, в разработке цензурных уставов, в отдельных официальных распоряжениях и циркулярах. В исключительных случаях, при оценке того или иного значимого произведения

¹ См.: [Одоевский 1874: 11–30; Одоевский 1897: 284].

² 1828. Апреля 22. (Распубликован Сенатом 17 Мая.) Высочайше утвержденный Устав о Ценсуре // [Полное Собрание Законов Российской Империи. 3: 459–478] (далее ссылки на это издание даются с использованием сокращения ПСЗРИ); [Устав о ценсуре].

³ Подразумеваются § 135–138 цензурного устава 1828 г. и приложенное к нему «Положение о правах Сочинителей» (см.: 1828. Апреля 22. (Распубликован Сенатом 17 Мая.) Высочайше утвержденный Устав о Ценсуре // [ПСЗРИ. 3: 475]; 1828. Апреля 22. Высочайше утвержденное положение о правах Сочинителей // [ПСЗРИ. 3: 478–480]; [Устав о ценсуре: 67–69, 93–101]). Позднее, 8 января 1830 г., составленное Одоевским «Положение о правах Сочинителей» было дополнено указом «О правах Сочинителей, переводчиков и издателей» (см.: 1830. Генваря 8. (Распубликован Сенатом 4 Февраля.) Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета. — О правах Сочинителей, Переводчиков и Издателей // [ПСЗРИ. 5, отд. 1: 17–21]). См. также: [Лозинский].

(например, при рассмотрении сочинений Пушкина или «Ревизора» Гоголя), в цензурной истории принимали личное участие председатель Главного управления цензуры, глава министерства народного просвещения С. С. Уваров и сам Император Николай I. Однако обычное, «повседневное» влияние власти на литератора осуществлялось в конкретной деятельности цензоров, назначенных для рассмотрения произведений с целью обеспечения авторами публичной политической благонадежности и контроля за соблюдением ими нравственных норм. Как показывает практика, недифференцированное изучение цензурных вмешательств в гоголевские произведения как случаев обобщенно «анонимных», принадлежащих некоей «цензуре вообще», непродуктивно и малорезультативно. Личность цензора всегда имела такое же немаловажное значение, как, к примеру, фигура того или иного редактора периодического издания, определявшего направление и характер журнальных публикаций. Важно рассматривать взаимоотношения Гоголя (или любого другого писателя) на протяжении всей писательской карьеры с конкретными представителями официальной цензуры, выявлять логику личной работы того или иного чиновника-цензора с авторскими произведениями. Наряду с изучением влияния общественно-политических и литературных взглядов рядовых цензоров на прохождение сочинений писателя в цензуре, непременно анализу должна быть подвергнута общая цензурная политика, определяемая направлением деятельности их прямых руководителей: в случае с Гоголем — упомянутых министра Уварова и Императора Николая I.

4. Следует учитывать, что деятельность правительства в области литературы и образования, кроме собственно цензурной политики, создавала определенный общественный и политический климат, влияние которого испытывал любой автор. Отчасти эта атмосфера формировалась с помощью цензуры, однако определяющее влияние на содержание духовной среды оказывало общее направление политики государства. Еще до непосредственного поступления в цензуру любое литературное произведение создавалось автором с учетом господствующей идеологии, так что всё, так или иначе выходящее за рамки принятых норм и правил, подвергалось вполне понятной авторской самоцензуре. При этом следует различать, в каких случаях подобная «автоцензура» (выявляемая в каждом конкретном случае с той или иной степенью вероятности) является «насильственной», вынужден-

ной; в каких — автор сам, без принуждения, желал того, чтобы его произведения соответствовали направлению деятельности правительства.

5. Изложенные обстоятельства существенно расширяют круг исследования. При изучении «доцензурной» стороны литературного процесса насущным является не только учет предполагаемой «тени цензуры», но и анализ сопутствующего редакторского участия в судьбе того или иного произведения: это вмешательство довольно часто было связано с цензурными соображениями. В ряде случаев невозможно отделить цензурные исправления от самоцензуры или редакторского вмешательства. Таким образом, проблема взаимоотношений Гоголя с цензурой, поставленная в широком контексте отношений художника и власти, требует включать в поле исследования влияние на публикацию отдельных гоголевских произведений конкретных редакторов contemporaneous изданий: П. П. Свиньина, О. И. Сенковского, Н. И. Греча, С. П. Шевырева, В. П. Андросова, М. П. Погодина, литературной политики С. С. Уварова (в данном случае как главы «Журнала Министерства Народного Просвещения», где печатался Гоголь), литературно-критической деятельности А. С. Пушкина. Редакторство Пушкина и редакционная политика всех других издателей журналов во многом неизбежно были ориентированы на официальную цензуру. Словом, важно учитывать деятельность цензора как критика, редактора, а также самого автора как «цензора».

6. Детальное изучение взаимоотношений Гоголя с цензурным ведомством на протяжении всего творческого пути свидетельствует, что созданный в рамках советской методологии миф о пагубной «царской цензуре», сыгравшей злополучную роль в судьбе Гоголя, оказывается в значительной мере несостоятельным. Реальная картина взаимоотношений цензора и писателя в XIX в. была гораздо сложнее, чем примитивное и непримиримое противостояние, бытование которого внушала в представлениях о литературном процессе советская и досоветская радикальная публицистика. Столь же несостоятельным является утверждаемое политизированной критикой противостояние «белых» писателей-либералов с «черными» консерваторами-цензорами. Напротив, в российском обществе XIX в., уже достаточно глубоко проникнутом либеральными идеями, либералом подчас оказывался цензор, а писатель — такой, как Гоголь, — исповедывал проправительственные, консервативные взгляды. «Преследователем» и «гонителем»

писателя оказывался, таким образом, не охранитель-консерватор, а либерал, агрессивно выступающий против автора, являющегося носителем неугодных «прогрессивному» чиновнику религиозных убеждений и политических взглядов (в полной мере эта традиция была продолжена в деятельности последующей цензуры советского периода).

Вопреки расхожему мнению о том, будто главной силой, противостоящей художнику, всегда выступает правительство, факты свидетельствуют, что применительно к наследию Гоголя, в частности, по поводу прохождения в цензуре его статьи «Театральный разъезд после представления новой комедии», книги «Выбранные места из переписки с друзьями», сложилась такая ситуация, когда тексты консервативного писателя беспощадно «корректировал» и сокращал либеральный цензор, а именно западник А. В. Никитенко, друг Белинского (его «другой экземпляр», по определению П. А. Плетнева [Грот, Плетнев: 702]). «Охранительные» идеи Гоголя, открыто выраженные в его произведениях, подверглись купированию цензором, придерживавшимся, вопреки занимаемой должности, либеральных взглядов. (С подобным негласным участием цензоров в борьбе противоположных партий Гоголь столкнулся еще в 1834 г., когда работал над повестями «Миргорода».)

Естественно, что лицемерный консерватизм, показная маска, скрывающая радикальные взгляды, порой снималась. Так, еще один цензор с либеральными воззрениями, «цензор-европеец» Н. И. Крылов [Гоголь 2009–2010. 12: 9] и, вслед за ним, упомянутой цензор Никитенко — оба — независимо друг от друга — совершили в 1844 г. характерную тождественную «ошибку» («ошибку» — с точки зрения правительственной идеологии, но отнюдь не взглядов самих этих цензоров). Выступив в 1842 г. с показных псевдо-консервативных позиций против гоголевских «Мертвых душ», Крылов два года спустя, вопреки демонстрируемому консерватизму, одобрил роман-памфлет Е. П. Лачиновой «Проделки на Кавказе», за что в итоге был отстранен от должности цензора. Содержание и само авторство разрешенного Крыловым романа говорят о том, что «ошибка» была допущена цензором вполне сознательно. Деверем (братом мужа) Лачиновой был декабрист Е. Е. Лачинов (адресат одного из стихотворных посланий К. Ф. Рыльева 1816 г. на тему «хождения к девкам» — «К Лачинову. (В Москву)»). (Высказано даже предположение, что декабрист Лачинов был соавтором романа своей снохи [Вейденбаум: 320]. Кроме того, установлено, что в «Проделках на

Кавказе» Е. П. Лачинова использовала записки своего сожителя декабриста А. А. Бестужева [Титов: 135].) Несмотря на очевидный шлейф либерализма, присущий роману, Никитенко как правительственный цензор в том же 1844 г., вслед за Крыловым, тоже легко одобрил¹ похвальную рецензию о «Проделках на Кавказе» П. Н. Кудрявцева, с пространными отрывками из романа Лачиновой, предназначавшуюся в либерально-западнические «Отечественные Записки» [Кудрявцев].

7. Изучаемая проблема носит не только частный характер. Она применима к творчеству Гоголя, но при этом имеет общетеоретическое и важное социальное значение. Предмет исследования тесно связан с господствовавшим долгое время в марксистском литературоведении утилитарным взглядом на художественную словесность, неизменно присутствовавшим почти во всех интерпретациях русской классики советских литературоведов. Согласно марксистскому взгляду, литературное наследие ценно главным образом как разоблачение корыстных интересов господствующего класса. Отчасти оправданный по отношению к некоторым произведениям пропагандистского толка, такой подход является в то же время грубым искажением самой сути литературного процесса, содержания художественной словесности в целом. Прагматический, «классовый» подход в оценке литературного классического наследия привел советских идеологов к такому же ошибочному представлению и о роли цензуры в обществе. Если литературу рассматривать исключительно сквозь призму «государство и революция» — как одно из средств борьбы против «господствующего класса» (с его многочисленными социальными институтами), то при таком ограниченном понимании «логично» и цензуру рассматривать лишь как охранительное учреждение, призванное воспрепятствовать революционным движениям. Другими словами, если признать за литературой единственную функцию — ведение классовой борьбы, тогда исключительным назначением цензуры остается, соответственно, задача противостояния этой борьбе. Утилитарный, «классовый» взгляд на литературу порождает столь же узкое и ошибочное представление о роли общественной цензуры — и культуры в целом, с ее разнообразными «охранительными» и «консервативными» составляющими.

Взгляд на цензуру как на одно из «орудий» эксплуататорского класса свидетельствует о незрелости научного подхода, о «подростковом»

¹ См.: [Никитенко: 282–283].

характере науки. Близким аналогом такого типа мышления являются сетования воспитуемых «enfant terrible» на родителей, воспитателей и педагогов. «По-взрослому» «оправданным» такой подход может быть лишь в одном случае — если русская государственность является для исследователя не родной, а «чужой», представляет собой враждебную силу, против которой «следует» вести непримиримую войну.

Почти столетие изучение русской классики по преимуществу определялось этим, по сути, негативистским подходом. Отрицательное отношение к «царской цензуре» не было при этом чем-то исключительным: последняя рассматривалась в общем ряду репрессивных инструментов власти «эксплуататоров». Таким «орудием подавления и угнетения» объявлялись, вместе с цензурой, армия, Церковь, государство со всем правительственным аппаратом, с системой образования, культуры и другими социальными учреждениями. Все объявлялось «царским», «эксплуататорским» — и подлежало уничтожению.

Состояние непрекращающейся гражданской войны несовместимо с нормальным существованием общества. Подобным образом и значение литературы не исчерпывается прагматическими задачами революционных преобразований, а цензура не является органом исключительно репрессивным. В научных работах последних лет взгляд на значение русской классики постепенно меняется. Однако в представлениях о цензуре до сих пор господствуют неизжитые взгляды советского периода, — мнения, являющиеся наследием марксистской, однополярной идеологии.

Взгляд на государственную цензуру исключительно с позиции «классовой борьбы» не позволяет увидеть ее неизменную позитивную роль. Вопреки предвзятым заявлениям западнической критики о якобы исключительно жестком, репрессивном характере цензурной политики XIX в., история отечественной и мировой литературы и культуры свидетельствует о преимущественно конструктивном для существования государства и самого общества характере цензуры, о ее насущной необходимости и оправданности в любой стране и в любую эпоху. Цензура как социальный институт, при всех ее очевидных недостатках, тем не менее, всегда являлась своего рода «медиатором» или посредником, примиряющим интересы разных слоев общества, представителей подчас противоположных взглядов. Объективно, цензура — своего рода социальный инструмент адаптации личных мнений, пополняю-

щих широкий общественный контекст. Помимо цензуры — и наряду с ней — эту же функцию выполняли и выполняют редакторское вмешательство, авторедактура и самоцензура — а также все стоящие за этими регуляторами социальные и духовные институты. Не считая цензурных ведомств, это — законы, мораль, нравственность, религия, правоохранительные органы, общественные организации, образовательные учреждения, редакционные коллегии, общественное мнение, эстетические образцы и эталоны и т. д., все то, что формирует культуру и одновременно диктует необходимые запреты и ограничения, этикетные «правила поведения» и табу в разных сферах общественной деятельности, включая литературу.

Показательно, что А. С. Пушкин, отношения которого с цензурой были, как известно, далеко не безоблачными, все же хорошо понимал необходимость социальных ограничений. В середине 1830-х гг. он с определенностью заявлял: «Я убежден [в необходимости] цензуры в образованном нравственно и христианском обществе, под какими бы законами и правлением оно бы ни находилось. Что составляет величие человека, ежели не *мысль*? Да будет же *мысль свободна, как должен быть свободен человек: в пределах закона, при полном соблюдении условий, налагаемых обществом*»¹. Поэт писал: «Никакая власть, никакое правление не может устоять противу всеразрушительного действия типографического снаряда. Уважайте класс писателей, но не допускайте же его овладеть вами совершенно» [Пушкин 1841: 42]. По поводу «Записок» французского литератора «шпиона» Э. Видока Пушкин в 1830 г. замечал: «Не должна ли *гражданская власть* обратить мудрое внимание на соблазн нового рода, совершенно ускользнувший от предусмотрения законодательства?» [Пушкин 1830: 162; курсив мой. — И. В.].

Корректирование крайних авторских мнений, радикальных, агрессивных высказываний, эпатазирующих взглядов и поступков, воззрений, не совместимых с нравственностью и разрушительных для социального устройства, борьба со всеми этими опасными «вирусами» всегда была и остается жизненной потребностью любого социального организма. Наличие в обществе этой «охранительной» функции свидетельствует не о недостатках, а напротив, — о его зрелости и жизнеспособности.

¹ Пушкин А. С. <Путешествие из Москвы в Петербург. Черновая редакция>. См.: [Пушкин 1937–1959. 11: 235].

В качестве одного из частных негативных последствий, обусловленных узостью марксистского подхода, следует указать неизбежную дискредитацию самой исследовательской практики. Наука, которая без опоры на факты обслуживает разрушительные нападки на «чужую», «старую» государственность (включая цензуру), в итоге обнаруживает свою теоретическую несостоятельность в осмыслении как проблем литературы, так и сопутствующих ей государственных охранительных мер. Мимо внимания исследователей проходит тот непреложный факт, что цензура свойственна для любого государственного устройства. Спекулируя на теме «царской» цензуры, критики либерального лагеря пытались как бы «не замечать», что цензурные, идеологические ограничения являются неотъемлемым условием существования любого общества. Сами идеологи новой, будто бы вполне «свободной» эпохи, сразу после прихода к власти начали свою деятельность с построения новой государственной системы, которая является жизненно необходимой для функционирования социального организма. Популистские, «освободительные» лозунги сменились весьма жестким государственным контролем, гораздо более «тираническим» и репрессивным, чем в предшествующий период, который радикальная критика обличала за пресловутую жестокость.

Эта закономерность нашла отражение в появлении новой советской цензуры, которая закономерно была привлечена победителями для укрепления своей власти. Радужные представления об «идеальной» цензуре или даже о ее «ненужности», о возможности «отмены» цензурных препон, руководившие радикальными идеологами в борьбе с цензурой реальной, сменились на деле куда более агрессивной и нетерпимой системой запретов и ограничений. Согласно общей репрессивной — направленной против традиционной русской духовной культуры — политике нового советского государства (наглядным следствием этих репрессий массового характера явился целый сонм св. новомучеников и исповедников Российских и несколько волн русской эмиграции), в полном соответствии с запретительными функциями цензуры, действовала и отечественная литературоведческая наука этого периода, вольно или невольно обслуживавшая новую власть. Гуманитарная наука неизбежно принимала тогда на себя функции «цензурного» ведомства, была направлена на системное идеологизированное (в духе Белинского) искажение смысла гоголевского твор-

чества, на дезориентацию читателя в понимании подлинной глубины произведений классика. Применительно к наследию Гоголя идеологическая цензура новой эпохи выискивала всевозможные недочеты в надзорных действиях своей предшественницы, пополняя гоголевские тексты отдельными фразами и отрывками (остававшимися, по вине цензуры или автоцензуры, в черновиках). Одновременно по политическим причинам она сделала в сочинениях писателя столь существенные купюры, что эти изъятия не идут ни в какое сравнение с теми незначительными сокращениями, которые были произведены в текстах Гоголя всеми дореволюционными цензорами.

Сразу после революции 1917 г. в основу первого советского издания сочинений Гоголя, вышедшего в 1919 г., было положено семнадцатое однотомное издание 1901 г. — результат совместной текстологической и комментаторской работы академика Н. С. Тихонравова (1832–1893) и В. И. Шенрока (1853–1910). В «Предисловии к 17-му изданию» Шенрок писал: «Настоящее издание сочинений Гоголя имеет в виду удовлетворить главным образом требованиям общедоступности. Оно ставит себе целью дать *все* произведения великого писателя, за исключением тех, которые имеют значение только для ученых специалистов» [Шенрок 1901].

Это предисловие было без изменений воспроизведено в советском переиздании, подготовленном в 1919 г. петроградским отделением Литературно-издательского отдела Народного Комиссариата по просвещению¹ (возглавлял работу этого отдела текстолог К. И. Халабаев² [Эйхенбаум: 58]). Воспроизводя предисловие, издатели сделали даже примечание, что текст нового собрания воспроизводится «по старым матрицам» [Примечание издателей: 2]. Однако вопреки этому примечанию (и тем самым вопреки «Предисловию...» Шенрока) собрание было существенно сокращено. Из издания был изъят целый ряд важнейших гоголевских произведений: «Выбранные места из переписки с друзьями», «Авторская исповедь», статьи «О Современнике», «Искусство есть примирение с жизнью», письмо Гоголя к А. О. Россету от 15 апреля

¹ См.: [Шенрок 1919].

² Константин Иванович Халабаев (1886–1941) занимался также изданием сочинений А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. В. Кольцова, А. Н. Островского, И. С. Тургенева, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого и других русских классиков.

(н. ст.) 1847 г., «Размышления о Божественной Литургии» и, соответственно, все «Примечания редактора» к этим текстам (стб. 1369–1656). Поскольку никаких комментариев при этом советскими издателями сделано не было, то исключенные тексты попали, таким образом, — в соответствии с содержанием предисловия Шенрока, — в раздел произведений, имеющих «значение только для ученых специалистов». Примечание Шенрока (не относившееся к изъятým произведениям) и его научный авторитет стали ширмой для идеологических спекуляций вокруг наследия Гоголя. Весьма беззастенчиво при этом заявлялось: «С весны 1918 года Литературно-издательский отдел начал подготовку новых, советских изданий Пушкина, Лермонтова, Гоголя... <...> Главная задача этой подготовительной работы заключалась в том, чтобы освободить их сочинения от искажений, произведенных царской цензурой, и опубликовать те, которые были вовсе запрещены...» [Эйхенбаум: 43].

Не были включены изъятые в 1919 г. из обращения гоголевские произведения (в том числе «Размышления о Божественной Литургии») и в неоднократно переиздававшееся в послереволюционные годы собрание сочинений Гоголя в трех томах, подготовленное теми же текстологами — К. И. Халабаевым и Б. М. Эйхенбаумом [Гоголь 1927; Гоголь 1928; Гоголь 1929; Гоголь 1930].

Позднее книга Гоголя «Размышления о Божественной Литургии» не была помещена даже в академическое «Полное собрание сочинений» Гоголя в четырнадцать томах 1937–1952 гг. (издание готовилось сотрудниками Пушкинского Дома). Во вступительной заметке «От редакции» 1940 г., помещенной в первом томе этого собрания (редакция издания: В. В. Гиппиус, В. А. Десницкий, В. Я. Кирпотин, Н. Л. Мещеряков, Н. К. Пиксанов, Б. М. Эйхенбаум), был напечатан план распределения гоголевских произведений по томам издания. Согласно этому проекту, «Размышления о Божественной Литургии» предполагалось поместить в девятом томе собрания среди малозначительных и подготовительных гоголевских текстов: «записных книг и черновых заметок Гоголя, не связанных непосредственно ни с художественными, ни с критико-публицистическими его текстами», среди «мелких произведений юношеского периода»: «IX. Стихотворения. Классные сочинения. Альбомные записи. Исторические наброски. Материалы записных книг. “Литургия”. Черновые заметки» (вступительная статья «От редакции») [Гоголь 1937–1952. 1: 18–19]. Однако «Размышления...» в

указанном томе так и не появились. В объяснение этого изъятия в девятом томе (вышедшем в 1952 г. под редакцией Н. Ф. Бельчикова, Б. В. Томашевского и Г. М. Фридендера) было сделано примечание, что в издание не включено, наряду с отдельными выписками Гоголя («выписками из сочинений других авторов»¹), его собранием русских и украинских песен², текстами, связанными с занятиями «языками, каллиграфией», «небольшое число текстов узко бытового и моралистического характера («Размышления о божественной литургии» и др.), опубликованных в прежних изданиях, но не представляющих литературного интереса» (заметка «От редакции», открывающая комментарий к девятому тому) [Гоголь 1937–1952. 9: 612].

Последняя фраза, характеризующая книгу Гоголя о Литургии как «не представляющую литературного интереса», носит откровенно репрессивный характер и далека от объективности. Как показывает исследование, замысел «Размышлений о Божественной Литургии» имеет самое прямое отношение не только к поздним замыслам Гоголя, но и к его ранним художественным произведениям, в частности, к повести «Тарас Бульба» [Виноградов 2017: 81–84]. (В советских массовых и школьных изданиях текст «Тараса Бульбы» подвергался значительным сокращениям идеологического характера³. В академическом издании в 1937 г. текст повести по черновикам и прижизненным изданиям старательно — хотя и спешно (а потому не без текстологических ошибок и важных пропусков⁴) — готовил И. Я. Айзеншток, под редакцией В. В. Гиппиуса.)

Не упоминались «Размышления о Божественной Литургии» Гоголя и во всех советских литературных словарях и энциклопедиях. Таким образом, советская цензура и пропагандистская машина нового госу-

¹ Обширные выписки Гоголя «из сочинений других авторов» впервые напечатаны лишь в 2001 г.: «Рукописный сборник Н. В. Гоголя «Сочинения Ломоносова и Державина» [Гоголь 2001: 181–351; см. также: Гоголь 2009–2010. 17: 435–624]; «Стихотворения разных авторов, переписанные в разное время Н. В. Гоголем» [Гоголь 2001: 352–384; см. также: Гоголь 2009–2010. 17: 627–662].

² Собрание Гоголя представляет собой несколько обширных сборников; впервые помещены в Полном собрании сочинений и переписки Гоголя 2009–2010 гг.: «Песни, собранные Гоголем» [Гоголь 2009–2010. 17: 7–432].

³ См.: [Виноградов 2009: 542–556, 592, 595–597].

⁴ См. подробнее: [Виноградов 2009: 461, 466].

дарства в целом обошлась с гоголевским наследием куда более жестко и нетерпимо, чем все прижизненные цензоры Гоголя, даже самые «строгие». Впервые после долгого перерыва гоголевские «Размышления...» были изданы в России лишь в 1990 г.

За пределами советского академического издания 1937–1952 гг. остались отнюдь не только малочисленные, несущественные («не представляющие литературного интереса») и незначительные по объему гоголевские рукописи, не только «тексты, связанные с занятиями языками, каллиграфией и т. д.» [Гоголь 1937–1952. 9: 612]. Кроме «Размышлений о Божественной Литургии» за рамками издания оказался целый ряд пространных и чрезвычайно важных гоголевских автографов. Ангажированному *сокрытию* подлинного облика Гоголя, в угоду радикальной атеистической идеологии, служило намеренное игнорирование обширного корпуса гоголевских текстов духовного содержания, долгие годы хранившихся невостребованными в советских (российских и украинских) архивах. Невозможность, по идеологическим причинам, введения в научный оборот этих важных рукописей обусловила, с одной стороны, их весьма позднюю публикацию, в основном, в последнее время, в конце XX – начале XXI вв. (частично за рубежом); с другой — привела в некоторых случаях к полной утрате этих гоголевских автографов. Однозначно разрушительный по отношению к культурному наследию, деструктивный для развития науки результат агрессивной советской запретительной политики касается, в частности, утраченного ныне обширного, девяностодвухстраничного раннего сборника выписок Гоголя (согласно дошедшему описанию) «Из книги: Лествица, возводящая на небо»¹. Столь же значительный объем — около 20 а. л. — составляет сохранившаяся часть текстов Гоголя религиозного характера, не издававшихся в советское время исключительно по цензурным условиям². В этот объем входят:

¹ См.: [Ерофіїв]; Ерофеев И. Ф. Рукописи Н. В. Гоголя в Харьковском Историческом музее (бывш. Сковороды) // Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 139. Оп. 1. Ед. хр. 63; [Виноградов 2017–2018. 1: 693–694].

² Исключением стала лишь публикация в 1965 г. гоголевского религиозно-нравственного трактата «О тех душевных расположениях и недостатках наших, которые производят в нас смущение и мешают нам пребывать в спокойном состоянии»: [Бессонов: 198–204]. См. также: [Гоголь 1994. 6: 288–296; Гоголь 2009–2010. 6: 305–313]. Хранится: Архив Санкт-

две важные заметки: <О гневе и безгневии>¹; <О благодарности>²; два сборника выписок: «Выбранные места из творений св. Отцов и учителей Церкви»³ и «Каноны и песни церковные»⁴; выписки «Премудрости Соломоновы чтение»⁵, <Изложение 5–12 Слов книги святителя Иннокентия (Борисова) «О грехе и его последствиях: Беседы на Святую Четыредесятницу». Харьков, 1844>⁶; <Выписки из Кормчей книги>⁷; итальянский перевод Гоголя <«Увещательные главы» диакона Агапита св. правоверному царю Юстиниану>⁸; гоголевские авторские выписки и пометы при чтении Библии⁹.

В заявленное «полное» академическое собрание сочинений Гоголя издания 1937–1952 гг. не вошел также ряд немаловажных для понимания его творчества текстов, которые до 1917 г. уже были изданы: это гоголевское сочинение «Правило жития в мире», первоначальная ре-

Петербургского филиала Института российской истории РАН (Архив СПб ФИРИ РАН). Ф. 238. Оп. 2. К. 271а. № 37.

¹ Впервые напечатана в 1925 г. в Берлине «невозвращенцем» М. Л. Гофманом [Гофман]; в 1930-х гг. поступила в рукописное собрание Пушкинского Дома [Городецкий: 438]. См. также: [Гоголь 1994. 8: 467–469; Гоголь 2009–2010. 6: 297–299].

² Российская государственная библиотека (РГБ). Ф. 74. К. 4. Ед. хр. 48. Впервые опубликовано: [Виноградов 2001]. См. также: [Гоголь 2009–2010. 6: 314–315].

³ Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского НАН Украины (НБУ НАНУ). Ф. Дис. 2165; Ф. Гог. 78; ИЛ НАНУ. Ф. 17. № 5. Впервые опубликовано: [Гоголь 1994. 8: 480–559]. См. также: [Гоголь 2009–2010. 9: 28–134].

⁴ Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) (ИРЛИ). Ф. 652. Оп. 1. № 62. Впервые опубликовано: [Гоголь 1994. 8: 563–758]. См. также: [Гоголь 2009–2010. 9: 165–419].

⁵ РГБ. Ф. 74. К. 4. Ед. хр. 45). Впервые опубликовано: [Гоголь 1994. 8: 560]. См. также: [Гоголь 2009–2010. 9: 163–164].

⁶ ИЛ НАНУ. Ф. 17. № 9. Впервые опубликовано: [Гоголь 2009–2010. 9: 135–140].

⁷ РГБ. Ф. 74. К. 4. Ед. хр. 46. Впервые опубликовано: [Гоголь 1994. 8: 470–479]. См. также: [Гоголь 2009–2010. 9: 15–27].

⁸ РГБ. Ф. 74. К. 4. Ед. хр. 70. Впервые опубликовано в 2002 г. в Италии (см.: [Де Лотто]). См. также: [Гоголь 2009–2010. 9: 7–14].

⁹ ИРЛИ. Ф. 652. Оп. 1. Ед. хр. 73; ИЛ НАНУ. Ф. 17. № 4. Впервые опубликовано в 1999 г.: [Виноградов, Воропаев]. См. также: [Гоголь 2009–2010. 9: 142–160].

дакция которого, под названием <О любви к Богу и самовоспитании> была впервые напечатана в 1909 г. Г. П. Георгиевским¹; выписки из «Домостроя» протопопа Сильвестра; молитвы, составленные Гоголем, и др.

8. При ангажированном «классовом» подходе на периферии — и даже совсем вне поля исследования — оказывалась также внешнеполитическая составляющая цензурных проблем. Помимо внутренних потребностей государственного строительства, особенности цензурной политики всегда, при всех правительствах, диктовались задачами широкого стратегического и геополитического характера, связанными с внешней безопасностью страны. Поэтому в изучении истории цензуры следует с необходимостью учитывать и межгосударственный, межнациональный и международный контекст, т. е. подразумевать те общемировые процессы, которые оказывали существенное влияние на формирование тех или иных исторически обусловленных цензурных правил и установлений. В полной мере это относится к созданию системы цензурного и ограничительного характера в первой половине XIX в. Эта система в значительной мере была предопределена внешнеполитической обстановкой эпохи. В исследованиях советского периода эта тема практически не затрагивалась, так как ее реально-историческое содержание не соответствовало искусственной «логике» радикальной идеологии.

Общественные и политические обстоятельства, обусловившие создание цензурной системы при Николае I, вызревали еще в александровскую эпоху. В 1815 г., после окончательного низложения Наполеона I, был основан религиозно-политический «Священный Союз», призванный противостоять антирелигиозным движениям Западной Европы. Однако на деле союзное противостояние европейских держав этим движениям привело к совсем иным результатам, чем те, которые предполагались при создании Союза. Вместо борьбы с духом неверия главные усилия союзников оказались сосредоточенными на преодолении конфессиональных отличий держав — членов

¹ [Гоголь 1909]. Рукопись хранится: РГБ. Ф. 74. К. 4. Ед. хр. 41. Окончательная редакция этого произведения на хранении: Архив СПб ФИРИ РАН. Ф. 238. Оп. 2. К. 271а. № 37. Указано в 1965 г. Б. Л. Бессоновым: [Бессонов: 196–198]. Напечатано в 1988 г. норвежским исследователем Г. Хьетсо (или Хетсо, Kjetsaa) [Хетсо]. См. также: [Гоголь 1994. 6: 283–287; Гоголь 2009–2010. 6: 300–304].

Союза — следствием чего стало широкое распространение идей так называемого «универсального христианства».

«Духовное состояние русского общества в александровскую эпоху было тревожным. С одной стороны, бедствия, пережитые Россией в Отечественную войну, углубили религиозные настроения. Но с другой стороны, в своих духовных исканиях люди, отставшие от основных начал русской жизни, нередко обращались не к вере своих предков, а к книгам западных богословов и мистиков» [Избранные жития святых...: 664]. Святитель Филарет (Дроздов), митрополит Московский, интерес современников к сочинениям западной мистики объяснял отчасти недостатком количества православных изданий с толкованиями Священного Писания — тем, что «любопытность, со дня на день распространяющаяся, для своего удовлетворения бросается во все стороны и тем сильнее порывается на пути незаконные, где не довольны устроены законные» [Чистович: 148].

Одним из главных проводников идей Священного Союза в России стало особое соединенное министерство, — Министерство духовных дел и народного просвещения, во главе которого встал князь А. Н. Голицын. Почти одновременно с образованием в России нового министерства в университетах протестантской Германии вспыхнули бурные политические волнения. Вскоре произошли революции в Испании, Португалии, в Неаполе, Пьемонте.

Политические волнения заставили российское правительство обратить пристальное внимание на характер университетского образования в России. Была начата борьба с политическим и религиозным вольнодумством. В 1821 г. русские студенты были отозваны из Германии, в 1822 г. — закрыты масонские ложи, в 1823 г. Комитет министров вообще запретил обучение русского юношества в четырех германских университетах, признанных наиболее опасными. В самих российских университетах учительские и профессорские места в то время в большинстве своем были заняты иностранными профессорами.

В России в первой половине XIX в. существовало шесть университетов. Кроме того, университетскими правами пользовались Александровский лицей в Царском Селе (где учился Пушкин) и Гимназия высших наук князя Безбородко в Нежине (из стен которой вышел Гоголь). Как обнаружилось уже в 1820-х гг., почти во всех этих высших учебных заведениях под видом «науки» часто преподавались

неправославные религиозные воззрения и политическое вольнодумство. Особенно явно это проявилось в Виленском и Дерптском университетах, которые, заменяя духовные академии своих исповеданий, образовывали и духовенство. Но тот же дух царил и в других университетах — Казанском, Петербургском, Харьковском, в Царскосельском лицее и в Гимназии высших наук в Нежине.

Основанием для соответствующего образа преподавания вольнодумным профессорам служило, помимо прочего, официальное распространение идей «универсального христианства». Сам князь Голицын содействовал печатанию религиозных книг и брошюр неправославного и часто антиправославного содержания. В 1820-х гг. состоялся ряд политических процессов, направленных на пресечение политического и религиозного вольнодумства. М. Л. Магницкий занимался делом Казанского университета (1820), Д. П. Рунич и князь А. Н. Голицын — Петербургского (1821). Аналогичные процессы прошли в Виленском (1824), Харьковском (1816, 1827) университетах, в гимназии в Нежине (1826–1830). Князь К. А. Ливен, попечитель Дерптского учебного округа, удалил ряд профессоров из университета в Дерпте¹.

В конечном счете борьба с вольнодумством привела к падению самого князя Голицына и упразднению его «сугубого» министерства. В открытый конфликт с Голицыным вступила церковная иерархия. В 1824 г. Голицын был отправлен Императором Александром I в отставку, а его преемником на посту министра стал адмирал А. С. Шишков, положивший в основу своей деятельности укрепление Православия и народности. Идея борьбы с философским вольнодумством и неверием осталась при новом министре прежней, но начала вольнодумства не без оснований были усмотрены в самом космополитическом мистицизме эпохи князя Голицына. В 1826 г. Николаем I было закрыто и надконфессиональное Библейское общество.

Разразившееся в 1825 г. восстание декабристов повлекло за собой применение дополнительных мер по стабилизации политической обстановки. Такими мерами стали учреждение в 1826 г. Корпуса жандар-

¹ В последующую либеральную эпоху эти политические процессы, призванные стабилизировать обстановку в стране, оценивались однозначно негативно. Однoboкoe политизирование, свойственное для российской общественной мысли на всем протяжении XIX в., привело в итоге к катастрофе 1917 г.

мов и III Отделения Собственной Его Величества Канцелярии, а также новое подтверждение, в 1826 г., указа об уничтожении масонских лож.

Именно к этому времени относится предпринятая реформа цензуры. Первый в истории Российской империи закон о цензуре был издан еще в 1804 г. Одним из важных шагов нового министра Шишкова стало обнародование 14 мая 1825 г. указа о запрещении переводных теософских книг, напечатанных в голицынский период¹. 10 июня 1826 г. был утвержден составленный Шишковым новый цензурый устав². Еще один, третий, устав о цензуре был принят в 1828 г.³ Одновременно для книг, издаваемых в России, было создано Главное управление цензуры, а для печатных изданий, привозимых из-за границы, — Комитет цензуры иностранной.

Литератором С. Н. Глинкой (который сам служил цензором с 1827 по 1830 г.), устав, составленный в 1826 г. Шишковым, был прозван «чугунным». Дело, однако, заключалось не только в недостатках и «строгостях» этого цензурного устава. Столь же мало удовлетворил Глинку и последующий, гораздо более «мягкий» устав, принятый в 1828 г. Глинка писал: «Со времени существования цензуры никогда не было такого свободного, такого льготного устава для мысли человеческой, каким казался устав 1828 года. С горестию повторяю: казался. <...> Где нет прочного, твердого, коренного основания для слова, мысли и действий человеческих, — <...> там все зависит от хода обстоятельств и произвола силы» [Глинка: 351–352]. Глинка даже полагал, что «от самоуправства министров будут вспыхивать каждый день *четыренадцатые* декабри» [Глинка: 356].

Характерно признание Глинки, сделанное в конце жизни, о том, что обозвать устав 1826 г. «чугунным» его побудило отсутствие в нем руководства к «распознаванию» масонских книг. Хотя в уставе основани-

¹ 1825. Мая 14. Об отобрании от всех духовных училищ, мест и лиц книг, заключающих в себе учения, противные вере и благочестию // [Сборник 1864: 1624–1630].

² Устав о цензуре. 10 июня 1826 // [Сборник 1862: 127–196].

³ 1828. Апреля 22. (Распубликован Сенатом 17 Мая.) Высочайше утвержденный Устав о Цензуре // [ПСЗРИ. 3: 459–478]; 1828. Апреля 22. Высочайше утвержденное положение о правах Сочинителей // [ПСЗРИ. 3: 478–480]; 1828. Апреля 22. (Распубликован Сенатом 28 Июня.) Высочайше утвержденный Устав о Духовной Цензуре // [ПСЗРИ. 3: 480–489].

ям для запрещения масонской литературы было отведено целых два параграфа, в которых содержалась вполне определенная и четкая инструкция¹, Глинка, однако, заявлял: «...Устав во всей силе этого слова был *чугунный*; он сочинен был партией, восставшей против прежнего министерства просвещения. Во-первых, этим уставом запрещалось пропускать *масонские книги*. А что такое масонские книги? К распознаванию их не давалось никакого ключа. Я не враг никаких обществ, но я, по страсти моей к независимости, никогда не заглядывал ни в какую ложу; каким же образом мог я отличить масонскую книгу от книги обыкновенной?» [Глинка: 349]

Сергей Глинка, откровенный апологет масонства², старший брат известных масонов И. Н. и Ф. Н. Глинок, в данном случае, безусловно, лукавил. «Распознать» масонские издания для него как литератора и цензора труда не составляло. Несмотря на собственные заверения С. Н. Глинки в формальной непричастности к масонским ложам, князь С. М. Голицын, тогдашний попечитель Московского учебного округа, и старшего Глинку считал «масоном и иллюминатом и агентом всех тайных обществ» [Глинка: 357–358]. По объяснению самого Глинки, такое мнение сложилось у Голицына после того, как тот прочел французский отклик на напечатанную Глинкой в 1828 г., в Москве на французском языке брошюру «Моральные наблюдения о периодической печати во Франции» [Glinka]. В этой брошюре для решения «будущему поколению» предлагался вопрос, поставленный Глинкой по поводу ужесточения цензуры: «Это нация не пользуется доверием правительства или это правительство не имеет доверия нации?» [Глинка: 358]. Провокационный вопрос и стал, по свидетельству Глинки, причиной его увольнения в 1830 г. от цензорской должности [Глинка: 347, 358].

К сожалению, без серьезного критического осмысления сомнительное мнение С. Н. Глинки о цензурном уставе 1826 г. как «чугунном» было принято впоследствии на веру и стало «хрестоматийным». Им

¹ «Возбраняются творения, заключающие в себе учения каких-либо тайных обществ, обнаруживающиеся обыкновенно эмблемами и преданиями, нередко к Библии и учению Евангельскому примешиваемыми. <...> Равному запрещению подлежат сочинения, в которых, для привлечения к сим обществам доверия, ложно утверждается, что существовали они в самой якобы глубокой древности» (Устав о цензуре. 10 июня 1826. См.: [Сборник 1862: 165]).

² См.: [Глинка: 19–20].

стали пользоваться все публицисты и исследователи, затрагивавшие цензурные проблемы. Разобраться в происхождении и степени основательности суждения изгнанного из цензуры заинтересованного лица никто не удосужился.

Между тем принятый в 1826 г. будто бы «чутунный» устав высоко оценивал сам А. С. Пушкин. В приложении к письму А. Х. Бенкендорфу от 27 мая 1832 г. поэт писал: «Несчастливые обстоятельства, сопровождавшие восшествие на престол ныне царствующего императора¹, обратили внимание Его Величества на сословие писателей. Он нашел сие сословие совершенно преданным на произвол судьбы и притесненным невежественной и своенравной цензурою. Не было даже закона касательно собственности литературной. Ограждение сей собственности и цензурный устав принадлежат к важнейшим благодеяниям нынешнего царствования» [Пушкин 15: 205]. Спустя несколько лет, в письме к А. Г. Баранту от 16 декабря 1836 г., Пушкин напоминал: «Литературная собственность была признана нынешним монархом» [Пушкин 16: 199, 401].

Несмотря на возражения противников новых цензурных узаконений, все меры, предпринятые в середине 1820-х гг. российским правительством, носили мотивированный, взвешенный характер — и только с радикальной точки зрения, окончательно возобладавшей в России к началу XX в., будто бы были несовместимы с интересами страны. Применение в 1820-х гг. указанных мер в итоге привело к положительным результатам: разрушительные веяния на время были приостановлены, и 1830-е гг. стали одним из плодотворных периодов в развитии русской культуры и общества в целом². «В 1832 году, — писал историк Н. П. Барсуков, — после великих бедствий, испытанных Россиею в течение последних лет и от губительных войн, и от междоусобной брани, и от моровой язвы <...> последовало обретение честных мощей, иже во Святых отца нашего Митрофана, первого епископа Воронежского³ <...> Живый дух правая веры и благочестия внушил

¹ Имеется в виду восстание декабристов 1825 г.

² См., в частности: [Кожин]. — Еще ранее на это указывал, применительно к проблемам цензуры, барон Н. В. Дризен: [Дризен: 120].

³ Торжественное открытие мощей святителя Митрофана, епископа Воронежского, состоялось 6 августа 1832 г. Спустя шесть недель для поклонения мощам в Воронеж прибыл Император Николай Павлович (см.: [Филарет (Дроздов): 63; Внутренние известия: 1–2]).

Помазаннику Божию поставить во главу угла воспитания Русского юношества *Православие, Самодержавие и Народность*; а провозгласителем этого великого символа нашей Русской жизни — избрать мужа, стоявшего во всеоружии Европейского знания. 21 апреля 1832 года воспоследовал Высочайший указ Правительствующему Сенату, “о бытии президенту Императорской Академии Наук тайному советнику Уварову товарищем Министра Народного Просвещения”» [Барсуков. 4: 1–2].

Можно с достаточным основанием утверждать, что именно российская светская и духовная цензура XIX в. стояла на переднем крае борьбы с теми негативными процессами, которые породили катастрофические катаклизмы XX в. — революцию и господство агрессивной атеистической идеологии в России, а спустя несколько лет — Вторую мировую войну. Появление новых учений, идущих вразрез с охранительными для человечества христианскими ценностями, явилось главной причиной деградирующих тенденций истекшей эпохи. Пастор Морис Фукс, бывший охранник Роберта Джексона, главного обвинителя военных преступников на Нюрнбергском процессе со стороны США, замечал: «Люди, способные творить зло и подчиняться злу, есть всегда и везде. Нужно не дать им объединиться, как это произошло в гитлеровской Германии, не дать злу вырваться на свободу» [Звягинцев: 48]. В историческом следовании России традиционным ценностям, в самоотверженном подвиге ее воинов на полях сражений и в стоянии до крови ее новомучеников в духовной брани «русский народ продемонстрировал миру великую победу над силами мирового зла» [Иноземцева: 153]. Необходимость для любого времени мер социальной защиты, в том числе мер цензурных, в доказательствах не нуждается. Ради воссоздания объективной исторической картины предвзятые представления о роли цензуры в XIX в., сложившиеся в советскую эпоху, нуждаются ныне в существенном пересмотре.

II. «Сатирополитическое» обличение и государственное служение

Главное требование российской цензуры в XIX в. к литераторам заключалось в том, чтобы в их произведениях не было нарушения нравственных норм и гражданских законов, ничего «противного добрым

нравам, благопристойности или чести народной и личной» и того, что обнаруживало бы в авторе «нарушителя обязанностей верноподданного к Священной Особе Государя Императора» (Устав о цензуре)¹. Относительно этих требований произведения Гоголя должны были проходить через цензуру беспрепятственно, так как не содержали в себе ничего из перечисленного. Вопреки истолкованиям радикальной критики, сам Гоголь оценивал свою «сатирическую» деятельность как направленную исключительно на поддержку позитивных начинаний правительства, против деструктивных тенденций своего времени, а потому резко отделял власть от тех нерадивых исполнителей воли монарха, которых, ради общего блага, подвергал обличению в своих произведениях.

Патриотические убеждения Гоголя, его желание принести пользу России (представляющей единственную сложившуюся мощную державу среди всех славянских народов) неизменно побуждали писателя как убежденного славянофила-государственника выступать на стороне власти. На этом основании следует внести существенные коррективы в созданные радикальной критикой — и ставшие впоследствии расхожими — представления об исключительно оппозиционном характере сатирической деятельности как таковой.

Вопреки указанным представлениям сам Гоголь в статье «Петербургская сцена в 1835–36 г.» писал: «Благосклонно склонится око монарха к тому писателю, который, движимый чистым желанием добра, предпримет уличать низкий порок <...> и этим подаст <...> помощь <...> его правдивому закону» [Гоголь 2009–2010. 7: 510]. Вскоре после постановки «Ревизора» Гоголь отвечал в «Театральном разъезде...» своим недоброжелателям: «[Высоким и разумным движением было подвинуто ко мне правительство наше.] Великодушное правительство глубже вас прозрело высоким разумом цель писавшего» [Гоголь 1937–1952. 5: 387]. По оценке Гоголя, правительственная цензура в лице самого Государя признала правомерным и правомочным деятельность писателя-сатирика как лица, действующего в пользу государственно-сти, а не вопреки ей.

В 1843 г. в одном из «Четырех писем к разным лицам по поводу “Мертвых душ”» Гоголь добавлял: «Вот уже почти полтора года лет протекло с тех пор, как государь Петр I прочистил нам глаза... <...>

¹ Устав о цензуре. 10 июня 1826. См.: [Сборник 1862: 169–170].

...Правительство во все время действовало без устани. <...> Сверху раздавались иногда такие вопросы, которые свидетельствуют о рыцарски великодушном движении многих государей, действовавших даже в ущерб собственным выгодам. А как было на это все ответствовано снизу? Дело ведь в применении... <...> Указ, как бы он обдуман и определенен ни был, есть не более как бланковый лист, если не будет снизу такого же чистого желанья применить его к делу той именно стороны, какой нужно... <...> Без того все обратится во зло. Доказательство тому все наши тонкие плуты и взяточники, которые умеют обойти всякий указ... <...> Словом — везде, куды ни обращайся, вижу, что виноват применитель, стало быть наш же брат...» [Гоголь 2009–2010. 6: 79].

Как указывал в 1903 г. Н. А. Котляревский, Гоголь «был далек от всякой мысли так или иначе кольнуть правительство»: «Он не боялся цензуры, не утаивал своей мысли — наоборот, он открыто ее высказал, потому что считал ее вполне благонамеренной, и он пришел в большое уныние, когда его прославили либералом. Лучше всех его понял император Николай Павлович, который избавил “Ревизора” от цензурных мытарств; и, конечно, император в данном случае не сделал никакой уступки либерализму» [Котляревский: 271–272].

Цель Гоголя как писателя с точки зрения политической заключалась именно в укреплении русской государственности, через обличение и «сатиру» порочащих ее явлений и недостойных чиновников. В 1847 г. в неотправленном письме к В. Г. Белинскому Гоголь замечал: «...Правительство состоит из нас же: мы выслуживаемся и составляем правительство. Если же Правительство [сделалось <...>] огромные корпорации воров, <...> думаете, этого не знает никто из Рус<с>ких?..» [Гоголь 2009–2010. 14: 386]. В этом отношении Гоголь поступал точно так же, как в аналогичных описаниях своих героев-запорожцев в «Тарасе Бульбе», где обличаемые пьянство и другие недостатки воинов-патриотов изображаются как главные препятствия, мешающие осуществлению их высокого призвания. Даже в самых дорогих для себя положительных народных героях, совершающих жертвенный подвиг, проливающих кровь за други своя, Гоголь не мог не наблюдать и не отражать черты негативные, присущие всем представителям человеческого рода, по слову св. апостола Павла: «...как Иудеи, так и Еллины, все под грехом, как написано: нет праведного ни одного...» (Рим. 3: 9–10). В одной из выписок своего сборника «Выбранные места из творений

св. Отцов и учителей Церкви» писатель отмечал: «Каждый человек — грешник, следовательно, ему признаться в том, что он грешник, значит признаться только в том, что он человек» [Гоголь 2009–2010. 9: 100].

Позиция Гоголя как патриота-государственника, обличающего человеческую «пошлость», еще при его жизни встретила не только непонимание, но и активное противодействие со стороны недоброжелателей традиционной русской государственности. Позднее изощренная в поисках «революционного» смысла гоголевских произведений радикальная критика даже предпринимала попытки «доказать», будто в лице Довгочхуна в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Гоголь «высмеивает» Тараса Бульбу. Такую попытку предпринял в 1934 г. Андрей Белый (Б. Н. Бугаев) (остроумно прозванный представителями русской эмиграции Андреем Красным). А. Белый заявлял, что в образе Довгочхуна (и позднее в образе Собакевича в «Мертвых душах») Гоголь «бессознательно» создал реалистическую пародию на романтический образ Тараса Бульбы [Белый: 15–18, 168]. Безусловно, содержание гоголевского творчества резко противоречит этим «толкованиям». «Разумеется, — писал по поводу нелепых выводов А. Белого Г. А. Гуковский, — повесть о двух Иванах не есть пародия на “Тараса Бульбу”, что нелепо как по хронологическим соображениям, так и по существу... <...> Идеал “высокого” в человеке, отрицательно присутствующий в Довгочхунах, <...> дан в открытую в “Тарасе Бульбе”; он и измеряет глубину падения героев повести об Иванах» [Гуковский: 132–133].

Гоголевское обличение человеческих слабостей и пороков служит отнюдь не «сатире» на их высокое призвание, но, напротив, заключает в себе призыв к освобождению от недостатков — ради этого самого патриотического, христианского служения. Так же, как в «критике» запорожцев, в гоголевских обличениях взяточничества чиновников, их воровства, падкости на греховные удовольствия отнюдь не содержится авторский призыв к их уничтожению, к «свержению» существующего строя. В этих обличениях Гоголь всегда преследовал цель прямо противоположную. Они диктовались заботой и ревностью писателя о всемерном укреплении государственности, об устранении во властных структурах того, что мешает полноценной деятельности государственного организма. На это Гоголь прямо указывал в 1847 г. в неотправленном письме к Белинскому, говоря о содержании собственных произ-

ведений: «Когда я писал их, я благоговел п<ред тем, пред> чем человек должен благо<го>веть. Насмешк<a> и нелюбовь слышалась у меня не над Властью, не над коренными законами нашего Государства, но над извращением, над уклонениями, над неправильными толкованиями, над дурным <приложением>, над струпом, который накопился...» [Гоголь 2009–2010. 14: 383].

Если взглянуть на проблему шире, с точки зрения того, что цензура *могла бы* запретить в произведениях Гоголя — но *не* запретила, то радикальные нападки на государственную цензурную политику опять-таки окажутся преувеличенными и надуманными. К примеру, в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» цензура не сочла нужным возражать против образа распутного «поповича» (сына священника) в «Сорочинской ярмарке»; против такой же фигуры дьяка в «Ночи перед Рождеством»; против повести «Невский проспект», в которой с предельной остротой и откровенностью поставлена проблема «вечерней» жизни столичного Петербурга; против проповеди Городничего о взятках, брать которые, по словам героя, «Сам Бог установил» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 223]; против слов того же героя о «покровительстве» «Самого Бога» не исполняющему своего назначения уездному суду [Гоголь 2009–2010. 3/4: 224]; против реплики Ихарева в комедии «Игроки», что «вся Россия должна застрелиться: всякий или проигрался, или намерен проиграться» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 394], и т. д., и т. п. Говорить о том, что цензура не давала Гоголю возможности высказаться, в свете этих многочисленных примеров не приходится.

Изучение творчества Гоголя невозможно без учета государственной точки зрения, законов Российской империи, церковных законов и постановлений, устоявшихся норм традиционной морали. Это направление оказывается наиболее плодотворным и перспективным для понимания произведений писателя. Как выясняется, в основе гоголевских обличений всегда лежит мысль об отпадении человека от его предназначения, о нарушении им служебного долга, конкретного церковного или гражданского закона, об утрате смысла жизни, открытого в Священном Писании и предании, о пренебрежении христианскими заповедями¹.

В 1827 г. Гоголь, будучи на последнем курсе Нежинской гимназии, писал родным: «Во сне и на яву мне грезится Петербург, с ним вместе

¹ См. подробнее: [Виноградов 2020a; Виноградов 2020b].

и служба государству» [Гоголь 2009–2010. 10: 50]; «Я перебирал в уме все состояния, все должности в государстве и остановился на одном. На юстиции» [Гоголь 2009–2010. 10: 74]. Мысль о «службе государству» с пристальным вниманием к сфере юстиции Гоголь пронес через всю жизнь. Гоголевские обличения часто прямо совпадают с направленностью и точкой зрения правительственных указов, ориентированных на укрепление христианской нравственности. В таком контексте все творчество Гоголя обнаруживает цельный, непротиворечивый и последовательный характер, являет черты, общие для всех жанров.

В отличие от противника традиционной русской государственности Белинского, взгляды Гоголя всегда носили характерные особенности государственного мышления: на многие обличаемые им явления писатель смотрел как бы глазами ответственного, болеющего за дело и судьбы страны высокопоставленного чиновника или даже самого царя¹. Этот «законодательный», проправительственный характер гоголевского творчества, сказывавшийся непосредственно в его «сатире», долгое время оставался непонятым — говорили лишь о глубоком воспитательном значении, нравственном влиянии произведений писателя.

В представлении о сатирическом поприще как отвечающем законодательной деятельности правительства Гоголь был не одинок. На связь обличительной комедии с усилиями по искоренению пороков, предпринимаемыми государством, указывал, в частности, в 1833 г. князь П. А. Вяземский в статье, напечатанной в альманахе «Альциона». (О своем знакомстве с этим альманахом Гоголь 8 февраля 1833 г. извещал А. С. Данилевского [Гоголь 2009–2010. 10: 208].) Вяземский замечал: «У нас почти нет общественной жизни: мы или домоседы, или действуем на поприще службы. На той и на другой сцене мы мало доступны преследованиям комиков: на первой, из уважения к семейным тайнам; на второй, из уважения, которое обязаны мы иметь к предметам Государственным, и наконец потому, что злоупотребления чиновников более подлежат ведению Правительствующего Сената, нежели Комедии. Вот отчего, мимоходом будь сказано, *Ябеда*, творение Капниста, хотя во многих отношениях достойная уважения и приближающаяся, сколько нравы наши позволяют, к Сатирополитической Комедии Аристофана, — не поэма, а уголовное дело, коего развязка зависит не от соображения поэта, а от подведения Указа. <...>

¹ См. подробнее: [Виноградов 2020d].

По старшинству, Сумароков первый наш Комический писатель. <...> ...Брюзгливые выходки патриотизма более полицейского, нежели государственного, при виде частных беспорядков и злоупотреблений, придают многим сценам его странное движение. <...> ...Глубокий взгляд политика не есть взгляд Комика» [Вяземский 1833: 199, 212, 220].

Но Гоголь не разделял высказанного Вяземским в его статье *недовольства* тем, что комедия служит подчас прямым подспорьем правительственным указам. Напротив, именно в поддержке начинаний Государя Гоголь, как указывалось, видел настоящую «цель» деятельности комического писателя. Поэтому несомненно, что гораздо ближе Гоголю было следующее замечание Вяземского в той же статье, где он рассуждал об Императрице Екатерине II как писательнице: «Кистью Ея водило всегда патриотическое чувство; осмеивая пороки и дурачества, Она забавлялась и поучала. <...> Уже самая мысль Екатерины: писать для Театра, есть событие в Истории Искусства» [Вяземский 1833: 222–223].

Такое совмещение монарха и сатирического писателя в одном лице как нельзя лучше отвечало стремлению самого Гоголя быть верным сподвижником Государя в исправлении нравов соотечественников. В этом отношении определенно значимой и «знаковой» является в ранней гоголевской повести «Ночь перед Рождеством», рядом с почитаемой Гоголем Екатериной II, фигура «сатирика» Фонвизина: к последнему та обращается, указывая драматургу на «предмет», достойный его «остроумного пера» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 202]. Вяземский в статье «О нашей старой комедии» (той, что была напечатана в 1833 г. в «Альционе» — спустя год после выхода в свет «Ночи перед Рождеством» в составе второй книжки «Вечеров на хуторе близ Диканьки»), писал: «Не довольствуясь преподаванием Собою примера, Императрица задавала драматические уроки и приближенным своим» [Вяземский 1833: 223].

Очевидно, что еще в период создания «Вечеров...» Гоголь, независимо от Вяземского, задумывался над тем, какую пользу он может принести государству как писатель — как может сделать на этом поприще «жизнь свою нужною для блага государства», «принести» ему «хотя малейшую пользу» [Гоголь 2009–2010. 10: 74]. Мотив покровительства монархини Екатерины II *сатирическому* писателю Фонвизину, воплощенный в «Ночи перед Рождеством», получил у Гоголя дальнейшее развитие спустя десять лет, во второй редакции повести «Портрет» (1842), где в уста Екатерины Гоголь вложил рассуждение о том, что

«не под монархическим правлением <...> презираются и преследуются творенья ума, поэзии и художеств» — что «Шекспир, Мольер процветали под <...> великодушной защитой» монархов [Гоголь 2009–2010. 3/4: 104]. Об этом Гоголь писал в 1837 г. и самому Императору Николаю I, упоминая о разрешении «Ревизора»: «Участь поэтов печальна на земле: им нет пристанища, им не прощают бедную крупицу таланта, их гонят, — но Венценосные Властители становились их великодушными Заступниками. Вы склонили Ваше Царское Вниманье к слабому труду моему, тогда как против него неправо восставало мнение многих» [Гоголь 2009–2010. 11: 106]. О том же Гоголь упоминал в «Театральном разъезде...»: «В минуты даже бед и гонений все, что было благороднейшего в государствах, становилось прежде всего их заступником: венчаный монарх осенял их царским щитом своим с вышины недоступного престола» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 469].

(Добавим, что одновременно в гоголевских воззрениях складывался образ идеального монарха-педагога, чуткого наставника, с любовью замечающего и поддерживающего духовное и профессиональное возрастание своих подданных [Виноградов 2019с].)

В заключении своей статьи 1833 г. Вяземский давал определение русской комедии XVIII в. как «политической» — однако не в том негативном смысле, в каком понимали это слово радикально настроенные оппозиционеры, а характеризуя ее как подспорье государственной деятельности, т. е. истолковывал здесь слово «политическая» вполне «по-гоголевски»: «К чести нашей старой Комедии заметим, что она не в бровь, а в самый глаз колола пороки и злоупотребления, не щадя ни их, ни промысляющих ими. <...> Главные пружины Комедии нашей были злоупотребления судей и домашней, то есть хозяйственной власти. И в этом отношении она есть в некотором смысле политическая Комедия, если нужно ее обозначить каким-нибудь особенным родом» [Вяземский 1833: 229].

Именно государственные законы и христианские заповеди в качестве «главных пружин» или определяющих ориентиров комедии Гоголь избрал в 1833 г.¹ в своей собственной обличительной деятельности. Спустя три года, в 1836 г., князь Вяземский прямо объявил гоголевского «Ревизора» наследником «особенного рода» «политической комедии» XVIII в. («политической», как указывалось, не в либеральном, а в

¹ См.: [Виноградов 2020е: 50–57].

консервативном значении этого слова). В итоговом выводе статьи, посвященной гоголевской пьесе, Вяземский указывал: «Говорят, что в комедии Гоголя не видно ни одного честного и благомыслящего лица; неправда: честное и благомыслящее лицо *есть правительство, которое, силою закона поражая злоупотребления, позволяет и таланту исправлять их оружием насмешки*. В 1783 году оно допустило представление “Недоросля”, в 1799-м — “Ябеды”, а в 1836 — “Ревизора”» [Вяземский 1836: 309; курсив мой. — И. В.]. (Сходное мнение высказывал еще один друг Гоголя — князь В. Ф. Одоевский: «Русская литература оказала *правительству* и публике четыре услуги, а именно: “Недоросль”, “Ябеда”, “Горе от ума” и “Ревизор”»¹.)

Как замечал позднее Н. А. Котляревский, «статья Вяземского — самое умное, что было сказано тогда о “Ревизоре”» [Котляревский: 286]. Вяземский верно определил стремление Гоголя действовать в своих «политических» обличениях в поддержку государственного порядка. (Закономерно при этом недовольство статьей Вяземского, высказанное тогда же В. Г. Белинским [Белинский 1976: 520].) Во всех недостойных представителях административной сферы — полиции, суда, образования, почты, медицинского ведомства, — Гоголь в своей комедии изображает нарушителей государственных законов и постановлений, т. е., по сути, не представителей, а противников и в известном смысле «врагов» власти, ее внутренних разрушителей.

Недвусмысленное объяснение на этот счет сам Гоголь сделал в «Театральном разезде...», который написал «сгоряча» еще в 1836 г. (статья предназначалась для публикации в пушкинском «Современнике»). В этой пьесе-комментарии в качестве «гласа народа» приводится следующая реплика «синего армяка», т. е. выразителя народного мнения, «армяку» серому: «Небось прыткие были воеводы, а все побледнели, когда пришла царская расправа!» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 446]. По поводу этой фразы «очень скромно одетый человек» (несомненное alter ego автора) замечает: «Вот что скажет народ, вы слышали? <...> Слышите ли вы, как верен естественному чутью и чувству человек? Как верен самый простой глаз, если он не отуманен теориями и мыслями, надерганными из книг, а черплет их из самой природы человека! Да разве это не очевидно ясно, что после такого представления народ получит более веры в правительство? Да, для него нужны такие представления.

¹ Цит. по: [Сахаров: 94; курсив мой. — И. В.].

Пусть он отделит правительство от дурных исполнителей правительства. Пусть видит он, что злоупотребления происходят не от правительства, а от не понимающих требований правительства, от не хотящих ответствовать правительству. Пусть он видит, что благородно правительство, что бдит равно над всеми его недремлющее око, что рано или поздно настигнет оно изменивших закону, чести и святому долгу человека, что побледнеют пред ним имеющие нечистую совесть» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 446].

По-видимому, Гоголь прямо вспоминал определение Вяземским «сатирополитической Комедии Аристофана», когда замечал в «Театральном разъезде...»: «Уже в самом начале комедия была общественным, народным созданием. По крайней мере, такую показал ее сам отец ее, Аристофан» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 443]. Позднее, в «Выбранных местах из переписки с друзьями», Гоголь, уточняя эту характеристику, имея в виду духовно-пастырский характер своих обличений, вновь подчеркнул роль *власти* в борьбе «света со тьмой»: «Есть следы общественной комедии у древних греков; но Аристофан руководился более личным расположеньем <...> и не всегда имел в виду истину... <...> Наши комики двинулись общественной причиной, а не собственной, восстали не противу одного лица, но против целого множества злоупотреблений, против уклоненья всего общества от прямой дороги. <...> Это — продолжение той же брани света со тьмой, внесенной в Россию Петром, которая всякого благородного русского делает уже невольно ратником света» [Гоголь 2009–2010. 6: 187].

Аналогичную мысль о значении личности Петра I в борьбе «света со тьмой» высказывал также в 1843 г. С. П. Шевырев, говоря о «Мертвых душах»: «Сознавайте народные пороки, <...> трудитесь денно и ночью за тем, чтобы их уничтожить... <...> Так действовал и Петр: тем и велик он, что сознал недостатки своего народа, но с тем вместе питал и веру в славное его грядущее» [Шевырев 1843: 285].

Шевырев был единомышленником Вяземского и Гоголя в оценке «Ревизора». По позднейшему сомнительному свидетельству Белинского, в 1836 г. Шевырев якобы отказался писать о гоголевской комедии, считая ее «грязным произведением» [Белинский 1842a: 133; Белинский 1842b: 107]. Доверять «свидетельству» Белинского, по-видимому, не следует. На самом деле Шевырев собирался писать о пьесе. Об этом, в частности, замечал В. П. Андросов 8 июня 1836 г. в письме к А. А. Краевскому. Андросов

сообщал, что Шевырев «напишет» статью о «Ревизоре» [Виноградов 2011–2013. 1: 809]. Статья в журнале «Московский Наблюдатель» так и не появилась, но позднейшие высказывания Шевырева, указывавшего на «государственный» замысел гоголевской комедии, говорят о том, что суждения Вяземского 1836 г. о «Ревизоре» были ему знакомы и близки. С 1842 г. по 1862 г. Шевырев отзывался о «Ревизоре» несколько раз — и неизменно положительно¹. В 1851 г. он, в частности, размышлял: «Русская комедия поражала недостатки общественные, как комедия Аристофановская, но она не выводила личностей, как сия последняя, и не хохотала с отчаяния, потому что всегда признавала крепость здравых сил в Русском народе и государстве, способных излечить каждый недостаток» [Шевырев 1851: 106]. В 1862 г. Шевырев повторил свою мысль, прямо применив ее к «Ревизору»: «Замечательно, что все важнейшие комедии в нашей словесности имеют государственный характер. Да, русская комедия, по своему значению, родня политической комедии Аристофана. Не на отдельные нравы общества, не на личные характеры нападет она, но на недостатки в основах самой политической жизни общества: так Фонвизин обличает недостатки в воспитании, Капнист — в судах, Грибоедов — в формах светской жизни общества, Гоголь — в гражданской администрации и во всем общественном устройстве» [Шевырев 1884: 238]. Говоря о заключительной сцене «Ревизора», Шевырев добавлял: «Появление правительства в конце российских комедий <...> является *Deus ex machina* русских комиков» [Sceviref S., Rubini: 248]. Очевидно, Шевырев следовал здесь комментариям самого Гоголя к «Ревизору» в «Театральном разъезде...»: «Но смешно то, что пьеса никак не может кончиться без правительства. Оно непременно явится, точно неизбежный рок в трагедиях у древних. <...> Ну, видите: стало быть, это уже что-то невольное у наших комиков. Стало быть, это уже составляет какой-то отличительный характер нашей комедии. В груди нашей заключена какая-то тайная вера в правительство. <...> ...Дай Бог, чтобы правительство всегда и везде слышало призванье свое быть представителем Провиденья на земле и чтобы мы веровали в него, как древние веровали в рок, настигавший преступленья» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 444].

Говоря о наказании Чичикова во втором томе «Мертвых душ»,

¹ См.: [Шевырев 1842a: 180; Шевырев 1842b: 228; Шевырев 1842c: 351; Шевырев 1851: 110, 114–115, 117, 119; Sceviref S., Rubini: 246–247; Шевырев 1884: 238].

Шевырев вновь отмечал: «В лице генерал-губернатора российское правительство вновь появляется в качестве российского *Deus ex machina de'comici*. Странная вещь! российское правительство не считает себя таким провидцем или восстановителем всех ошибок российского общества, как считают авторы комедий. Это иллюзия, унаследованная со времени реформы» [Sceviref S., Rubini: 253–254].

Как отметил позднее Н. А. Котляревский, «Ревизор» «был в сущности апологией правительственной бдительной власти, и одним из главных, но незримых действующих лиц комедии было “недремлющее око” этой власти»: «Этот унтер, который заставляет начальника города и всех высших чиновников окаменеть и превратиться в истуканов, — наглядный показатель благомыслия автора» [Котляревский: 272].

По поводу «Мертвых душ» Шевырев также писал: «...Каждое значительное произведение Русской Словесности, напоминающее нам о тяжелой существенности нашего внутреннего быта, <...> может <...> иметь достоинство и благородного подвига на пользу Отечества. Русская Словесность никогда не чуждалась этого практического направления, <...> и Правительство наше (честь и хвала ему) никогда не скрывало от нас таких сознаний, если только совершались они талантами истинными, с искренним чувством любви к России... <...> В пышном веке Екатерины Фон-Визин вывел перед нами семейство Простаковых, и раскрыл одну из глубоких ран тогдашней России в семейном быту и воспитании. В наше время тот же подвиг совершен был Гоголем в Ревизоре, и совершается теперь в другой раз в Мертвых Душах» [Шевырев 1842b: 227–228].

На государствообразующий пафос обличений Гоголя указывал также позднее известный русский мыслитель И. А. Ильин, называя произвольное деление Гоголя радикалами «на две категории» — на «художественное, сатирическое, прогрессивное (чуть ли не либерально-радикальное)» и «религиозно-мистическое и одновременно политико-реакционное» — «узколобой политиканствующей дихотомией» [Ильин: 242]. О немой сцене «Ревизора» Ильин писал: «...Каким угрожающе пророческим для окружающих кажется перст судьбы в лице <...> *действительного* ревизора! Сам Гоголь называл это идеей национальной ответственности, идеей здорового правосознания или идеей *справедливой государственной власти*. <...> Из “Ревизора” вызывает русский народный дух к очищению своего правового сознания, а о том,

что этот зов не устарел и в наши дни (в России и Европе), и говорить не стоит. <...> ...Идея такова: *Народы Европы! Совершенствуйте свое правовое сознание!*» [Ильин: 268–269].

III. Цензура и радикализм

Неизменная ориентация Гоголя в его обличениях на церковные установления, требования морали, правительственные указы придавала его писательской деятельности особый характер. Эта ориентация обеспечивала то, что за гоголевскими сатирическими образами вставала огромная законодательная и нравственная база, масштабная идеологическая основа и — вследствие этого — понимание конкретных задач государственного строительства, видение реального состояния общества и перспектив его развития.

Одновременно обличению Гоголя подвергалась некомпетентность в осмыслении государственных проблем «частного» человека, не обладающего достаточным кругозором в решении общенациональных проблем. Гоголь был решительно против безответственного, не основанного на тщательном изучении тех или иных государственных проблем манипулирования общественным сознанием представителями самых разных общественно-политических течений. Вера в народ, одинаково присущая «восточникам» и западникам, сочеталась у Гоголя с далеким от социалистических иллюзий, трезвым пониманием падшести человеческого естества¹, и та пропасть между идеальными представлениями о государстве и реальной государственностью, которая делала друзей и единомышленников писателя, славянофилов, либералами и оппозиционерами (объединяя их с западным польским славянофильством и с отечественными западниками), для самого Гоголя как славянофила-государственника, вследствие его основательной осведомленности в вопросах государственного устройства, понимания реальных проблем страны, практически не существовала².

Наибольшую степень некомпетентности и безответственности

¹ См. подробнее: [Виноградов 2020e].

² См.: [Виноградов 2019a; Виноградов 2019b]; Виноградов И. А. А. С. Хомяков и Н. В. Гоголь: проблема взаимоотношений // Русско-Византийский вестник. 2021 (в печати).

в осмыслении общегосударственных проблем Гоголь усматривал в западническом литературном либерализме¹ (отмечая при этом черты западничества не только у «европистов», но и у своих приятелей-славянофилов — не вполне знакомых с проблемами государственного устройства [Виноградов 2019d]).

Такой взгляд в свою очередь вполне соответствовал воззрениям на этот предмет самого правительства. В частности, С. С. Уваров в 1835 г. в связи с разрешением, вынесенным цензором В. Н. Семеновым в отношении одного из объявлений, напечатанного в «Северной Пчеле», — о книге Н. А. Иванова «Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношениях», — в официальном послании, отправленном в Санкт-Петербургский цензурный комитет, замечал: «Книга сия, по изъясненной в объявлении программе, должна касаться столь важных политических и правительственных предметов, что прежде всего представляется вопрос: может ли частное лицо входить в рассуждения о сих предметах?.. <...> ...Излагать все это частному человеку для Русских всех сословий не только не может дозволить цензор, но и высшее над цензурой начальство» [Прот: 177].

В западническом писательском либерализме Гоголь в числе других недостатков не без оснований усматривал подчас вопиющую дилетантскую некомпетентность в вопросах как гражданского (государственного), так и духовного (церковного) строительства. (Проблема «духовных недорослей», вообще говоря, — сквозная для гоголевского творчества².) Так, в 1847 г. Гоголь, имея в виду безапелляционные суждения по целому ряду общественных вопросов Белинского, обращался к критику: «Наступающий век есть век разумного сознания; не горячась, он взвешивает всё, приемля все стороны к сведенью, без чего не узнать разумной середины вещей. Он велит нам оглядывать многосторонним взглядом старца, а не показывать горячую прыткость рыцаря прошедших времен...» [Гоголь 2009–2010. 14: 411]. Нечто подобное Гоголь говорил и в 1848 г. при встрече с либеральными литераторами некрасовского «Современника». П. В. Анненков, вспоминая этот вечер, писал позднее, в 1858 г., И. С. Тургеневу: «Помню я, что <...> Гоголь находил необычайную пользу для литературы в тогдашней системе цензурного ограничения: это, говорил он, временной арест, чтобы заставить лю-

¹ См.: [Виноградов 2018b].

² См.: [Виноградов 2017–2018. 1: 222–223, 429, 694].

дей *мыслить*» [Виноградов 2011–2013. 3: 533]. Спустя два десятилетия Анненков в мемуарах вновь упоминал об этих словах Гоголя: «Он <...> продолжал думать, что <...> преследование печати и жизни не может долго длиться, и советовал литераторам и труженикам всякого рода пользоваться этим временем для тихого приготовления серьезных работ ко времени облегчения» [Виноградов 2011–2013. 3: 529].

Следует иметь в виду, что в данном случае подразумевалось конкретное усиление цензурных мер в 1848 г. Как и в середине 1820-х гг., когда внешне- и внутривполитическая обстановка вызвала целый ряд ограничений и охранительных действий по стабилизации общественного климата (в том числе принятие цензурного устава 1826 г.), так же в 1848 г. отзвуки революционных событий во Франции привели к созданию в России Негласного Комитета или «Комитета 2 апреля», предназначенного для высшего надзора за выходящими изданиями. Важно добавить, что свидетельство Анненкова о том, что в 1848 г. Гоголь «находил необычайную пользу для литературы в тогдашней системе цензурного ограничения», сам мемуарист ставил в прямую связь с позднейшей гоголевской оценкой наказания петрашевцев в 1849 г. Как передавал Анненков, Гоголь говорил, что «по мягкости исполнения» это наказание было «милостью по отношению ко многим осужденным» [Виноградов 2011–2013. 3: 529].

К ряду таких же «охранительных» высказываний Гоголя относится и данный им самому Тургеневу¹ осенью 1851 г. совет «не спешить печатать» [Виноградов 2011–2013. 2: 271] и сказанные тогда же Тургеневу слова о том, что правительственная цензура не только не вредна, но даже полезна начинающему литератору — «как средство развивать в писателе сноровку, умение защищать своё детище, терпение и множество других христианских и светских добродетелей»; как вспоминал позднее Тургенев, Гоголь «чуть не возвеличивал, чуть не одобрял» ее [Виноградов 2011–2013. 3: 825].

Встретившийся с Гоголем в 1848 г. славянофил Ф. В. Чижов записал в дневнике: «...Должно признаться, что в моих мыслях больше личного самолюбия, нежели чистоты. Гоголь прав, — теперь людям надобно примолчать, иначе они заговорят глупость. В этих словах много мудрости» [Виноградов 2011–2013. 3: 63].

¹ На встрече литераторов в 1848 г. Тургенев не присутствовал, он был тогда за границей.

В 1846 г. Гоголь в статье «Карамзин» замечал: «Он <Карамзин> первый возвестил торжественно, что писателя не может стеснить цензура, и если уже он исполнился чистейшим желанием блага в такой мере, что желанье это, занявши всю его душу, стало его плотью и пищей, тогда никакая цензура для него не строга, и ему везде просторно» [Гоголь 2009–2010. 6: 56]. Подобное отношение Гоголь распространял и на «свое детище» — на второй том «Мертвых душ». В конце 1848 – первой половине 1849 гг. он познакомил с содержанием двух начальных глав этого тома графа А. П. Толстого [Виноградов 2017–2018. 6: 322]. Впечатлениями об услышанном Толстой поделился тогда с князем Д. А. Оболенским, который летом 1849 г. заговорил об этом с самим Гоголем. Позднее Оболенский вспоминал: «Из рассказов графа А. П. Толстого <...> я уже несколько знал, какой серьезный оборот должна принять поэма в окончательном своем развитии. <...> ...Я, пользуясь хорошим расположением духа Гоголя <...> заводил на разные лады разговор о лежащей в ногах наших рукописи. <...> Я выразил ему опасение, что цензура будет к нему строга, но он не разделял моего опасения, а только жаловался на скуку издательской обязанности и возни с книгопродавцами...» [Виноградов 2017–2018. 6: 356–357].

Похожее отношение Гоголя к цензуре, применительно ко второму тому «Мертвых душ», передавала также А. О. Смирнова, которая летом 1849 г. познакомилась с начальными главами второго тома поэмы в чтении самого Гоголя. 1 марта 1850 г. она рассказывала С. Т. Аксакову «кое-что о дальнейшем развитии» поэмы и, по словам последнего, открывала ему «секрет», как Гоголь предполагал продолжить печатание своего сочинения. В письме к сыну Ивану от 3 марта 1850 г. Аксаков сообщал о содержании беседы со Смирновой: «...Гоголь никогда не представит своей рукописи Государю, что я советовал, хотя уверен, что он позволил бы ее напечатать; нет, он хочет до тех пор ее исправлять, пока всякий глупый, привязчивый цензор не пропустит ее без затруднения» [Виноградов 2017–2018. 6: 454].

Тогдашняя терпимость Гоголя по отношению к цензуре и даже апология цензурных ограничений, которая, безусловно, диктовалась сознанием высокой ответственности за слово (свидетельством тому — статья Гоголя в «Выбранных местах из переписки с друзьями» «О том, что такое слово»), объясняются еще и тем, что само гоголевское творчество было результатом глубокого духовного анализа. В ходе этого

анализа собственные душевные движения Гоголь подвергал строгому духовному рассмотрению, требовательной самооценке или «самоцензуре». Этим в значительной степени объясняется появление гоголевских сатирических образов, свидетельствующих о падшести человеческой природы в целом (см.: [Виноградов 2020е]).

Возражения против того, чтобы «науки», в том числе гуманитарные, стали «совершенно принадлежать <...> частному человеку» — недостаточно компетентному в сложных и важных общественных вопросах, в понимании самой природы человеческой души, встречаются также в статье Гоголя «Рассмотрение хода просвещения России»: «Науки не делали своего дела уже потому, что отвлеклись от жизни, набили головы множеством терминов, увлекли их в философию, стали решать на бумаге то, что совершенно иначе разрешалось в жизни, приучили к строению воздушных замков <...> стали <...> совершенно принадлежать частному человеку» [Гоголь 2009–2010. 9: 714].

Хлестаковское «самозванство» в решении вопросов широкого общественного значения стало предметом размышлений Гоголя и в письме к Вяземскому 1847 г. В ту пору Вяземский, будучи в почетном звании камергера, состоял в должности управляющего Государственным заемным банком, являлся также академиком Императорской академии наук, членом Московского и Казанского Обществ любителей отечественной словесности. Имея в виду все эти многообразные государственные и общественные должности Вяземского (назначенного впоследствии, в 1855 г., товарищем министра народного просвещения), Гоголь обратился к нему с предложением написать статью о принципах современной политики — о «тех истинах, о которых могут сказать только люди государственные»: «Если о них не раздадутся теперь здравые определения, годные укрепить хотя некоторых или дать им знать, по крайней мере приблизительно, чего держаться, то их пойдут скоро коверкать вовсе негосударственные люди и могут сбить всех с толку. Вы видите, что некоторое поползновение к тому уже обнаруживается. Даже и я, человек вовсе негосударственный, заговорил о том. <...> ...теперь нужен голос мастеров того ремесла, в которое впутываются люди посторонние» [Гоголь 2009–2010. 14: 296–297].

2 августа (н. ст.) 1847 г. Гоголь обращался к графу А. П. Толстому (бывшему тогда в отставке): «Будем исполнять закон Христа относительно тех людей, с которыми нам придется столкнуться <...>, а о

России Бог позаботится и без нас» [Гоголь 2009–2010. 14: 396].

В статье «Об Одиссее, переводимой Жуковским» Гоголь подчеркивал: «Эти судорожные, больные произведения века, с примесью всяких неперевавшихся идей, нанесенных политическими и прочими брожениями, стали значительно упадать; только одни задние чтецы, привыкшие держаться за хвосты журнальных вождей, еще кое-что перечитывают, не замечая в простодушии, что козлы, их предводившие, давно уже остановились в раздумье, не зная сами, куда повести заблудшие стада свои» [Гоголь 2009–2010. 6: 28].

Как следует из строк письма Гоголя к Н. Я. Прокоповичу от 20 июня (н. ст.) 1847 г., писатель полагал, что реплику о журнальных «козлах», обращенную «к журналисту вообще», непременно на свой счет примет Белинский (см.: [Гоголь 2009–2010. 14: 312]). Обращение Гоголя к «журналистам вообще» имело тем более знаковый характер, что их деятельность писатель ставил в один ряд с пагубными явлениями последних времен. Кроме сравнения «журнальных вождей» с «козлами» — апокалиптическими «козлищами» (Мф. 25, 32–33), об этом же свидетельствует гоголевская характеристика «журнальной литературы» в заключительной главе «Переписки с друзьями», статье «Светлое Воскресенье». Апокалиптическая сущность современной журналистики подчеркивается здесь в именовании ее «всепогубляющей саранчой» (ср.: Откр. 9, 3). Размышляя о болезни радикализма, охватившей русскую словесность, Гоголь писал: «Поразительно: в то время, когда уже было начали думать люди, что образованием выгнали злобу из мира, злоба другой дорогой, с другого конца входит в мир, — дорогой ума, и на крыльях журнальных листов, как всепогубляющая саранча, нападает на сердце людей повсюду. Уже и самого ума почти не слышно. <...> ...уже одна чистая злоба воцарилась наместо ума. <...> Люди темные, никому не известные, не имеющие мыслей и чистосердечных убеждений, правят мнениями и мыслями умных людей, и газетный листок, признаваемый лживым всеми, становится нечувствительным законодателем его не уважающего человека» [Гоголь 2009–2010. 6: 201–202].

Показательно, что упрек в радикализме Гоголь обращал порой не только к своим противникам западникам, но и к представителям противоположной партии, а именно к своим друзьям-«восточникам». Так, в 1848 г. в письме к Шевыреву Гоголь, имея в виду полемику приятеля с либеральными журналистами по поводу своей «Переписки с друзь-

ями» (за что писатель, казалось бы, должен быть только благодарен Шевыреву), замечал: «Мне кажется подчас, что все то, о чем так хлопотем и спорим, есть просто суета, как и все в свете, и что об одной только любви следует нам заботиться. Она одна только есть истинно верная и доказанная истина» [Гоголь 2009–2010. 14: 50]. В «Авторской исповеди» Гоголь замечал: «В это время, которое недаром называют переходным, почти у всякого человека, на всех поприщах, заметно стремление преобразовывать, поправлять, исправлять и вообще торопиться средствами противу всякого зла. <...> ...Теперь, более чем когда-либо, нужно нам обнаружить внаружу все, что ни есть внутри Руси, чтобы мы почувствовали, из какого множества разнородных начал состоит наша почва, на которой мы все стремимся сеять, и лучше бы осмотрелись прежде, чем произносить что-либо так решительно, как ныне все произносят» [Гоголь 2009–2010. 6: 230].

В «немецком» философствовании своих друзей — оппозиционных правительству московских славянофилов, прежде всего Аксаковых и Ивана Киреевского, писатель видел проявление все той же узости, нетерпимости и скороспелости, которая была свойственна их противникам западникам (см.: [Виноградов 2019d; Виноградов 2019a]). По словам писателя, эта черта современного общества даже стала причиной его нового отъезда за границу в 1842 г.: «Я возвращался <...> в Россию <...> с тем, чтобы в ней остаться навсегда. Я думал, что теперь особенно, получивши такую страсть узнавать все, я в силах буду узнать многое. Но, странное дело, среди России я почти не увидел России. Все люди, с которыми я встречался, большею частию любили поговорить о том, что делается в Европе, а не в России. Я узнавал только то, что делается в аглицком клубе¹... <...> Всяк глядел на вещи взглядом более философическим, чем когда-либо прежде, во всякой вещи хотел увидеть ее глубокий смысл и сильнейшее значение, — движенье, вообще показывающее большой шаг общества вперед. Но, с другой стороны, от этого произошла торопливость делать выводы и заключения из двух-трех фактов о всем целом и беспрестанная позабывчивость того, что не все вещи и не все стороны соображены и взвешены. Я заметил, что почти

¹ Завсегдатаем Английского клуба был С. Т. Аксаков. 20 октября 1841 г. Гоголь на его приглашение встретиться дома или в дворянском клубе отвечал: «К вам натурально приеду, а в клуб и ворон костей моих не занесет» [Гоголь 2009–2010. 11: 359].

у всякого образовывалась в голове своя собственная Россия, и оттого бесконечные споры. <...> ...Я и сам начинал невольно заражаться этой торопливостью заключать и выводить, всеобщим поветрием нынешнего времени» [Гоголь 2009–2010. 6: 233–234].

28 ноября (н. ст.) 1842 г. Гоголь писал из Рима Константину Аксакову: «Я не прощу вам того, что вы охладили во мне любовь к Москве. Да, до нынешнего моего приезда в Москву я более любил ее, но вы умели сделать смешным самый святой предмет. Толкуя беспрестанно одно и то же, пристегивая сбоку припеку при всяком случае Москву, вы не чувствовали, как охлаждали самое святое чувство вместо того, чтобы живить его. Мне было горько, когда лилось через край ваше излишество и когда смеялись этому излишеству. Всякую мысль, повторяя ее двадцать раз, можно сделать пошлою. Чувствуете ли вы страшную истину сих слов: Не приемли имени господа Бога твоего всуе? <...> Вы твердо уверены, что уже стали на высшую точку разума, что не можете уже быть умнее. <...> ...Страхните пустоту и праздность вашей жизни!» [Гоголь 2009–2010. 12: 157].

К западнику Анненкову Гоголь одновременно обращался с призывом избегать узости радикальных взглядов, господствующих в литературе: «...Стремиться быть выше журнальной верхушки своего века есть неременный долг всякого умного человека, если только он одарен какими-нибудь действующими способностями» [Гоголь 2009–2010. 14: 444].

В произведениях литераторов радикальной школы Гоголь указал, таким образом, на еще одно характерное «родовое пятно» — противоположную интересам общенационального единства нетерпимость «частного», порой совершенно «постороннего» в государственных вопросах человека. Размышляя о принципах государственного правления, составляющего исключительную прерогативу монарха, Гоголь в одной из статей «Выбранных мест...», в письме «О лиризме наших поэтов», замечал: «Из нас, людей частных, возыметь <...> любовь во всей силе никто не возможет <...>. ...только <...> Государь приобретет тот всемогущий голос любви <...>, который один может только внести примиренье во все сословия...» [Гоголь 2009–2010. 6: 45–46].

В упомянутом послании к Вяземскому 1847 г. Гоголь заключал: «Мне кажется, как будто еще недостаточно любви у всех нас <...>. Самые наиболее любящие из нас еще не исполнены любовью к людям в такой

степени, в какой исполнены ненавистью к их заблуждениям. Оттого и все статьи наши, подвигнутые самым искренним желанием добра, не вносят надлежащего примирения» [Гоголь 2009–2010. 14: 296].

Уместно привести свидетельства других лиц, подтверждающих суждения Гоголя о нетерпимости радикализма и малой компетентности либеральной журналистики. Граф Л. Н. Толстой в «Исповеди» (1882) вспоминал о периоде своего сотрудничества в 1850-х гг. с литераторами-западниками, группировавшимися в кружке «Современника»: «Взгляд на жизнь <...> моих сотоварищей по писанию состоял в том, что жизнь вообще идёт развиваясь и что в этом развитии главное участие принимаем мы, люди мысли, а из людей мысли главное влияние имеем мы — художники, поэты. <...> Я наивно воображал, что я <...> могу учить всех, сам не зная, чему я учу. <...> Мы все <...> были убеждены, что нам нужно говорить и говорить, писать, печатать — как можно скорее, как можно больше, что всё это нужно для блага человечества. И тысячи нас, отрицая, ругая один другого, все печатали, писали, поучая других. И, не замечая того, что мы ничего не знаем, что на самый простой вопрос жизни: что хорошо, что дурно, — мы не знаем, что ответить...» [Толстой: 5].

П. А. Столыпин в 1908 г. в письме к министру просвещения А. Н. Шварцу замечал: «...Я знаю русского революционера, благодушного неуча, думающего достигнуть высшего совершенства, взамен длинного и торного пути воспитания ума и воли, одним скачком... с бомбою в руках по направлению к власти!» [Шварц: 82].

«Компетентность» самого Гоголя — органичного носителя народной культуры, знатока не только светской, но и церковной литературы, основательного историка и литературного критика, государственного чиновника (и по образованию, и по опыту службы), авторитетного «эксперта» в гражданском законодательстве, специалиста в помещичьем хозяйстве, человека, не понаслышке знакомого с культурой и бытом России и нескольких стран Западной Европы, гениального писателя, одаренного глубоким образным, синкретическим мышлением, — сомнений не вызывает. С полным правом Гоголь мог адресовать радикалу Белинскому — не окончившему не только университета, но и гимназического курса, следующие строки: «...Какое невежество блещет на всякой стра<нице>! [Как дерзнуть с таким малым запасом сведен<ий> толковать о таких велики<х> предметах>. Вы

не кончили даже университетского <курса>.] <...> ...Нельзя судить о Русском народе тому, кто прожил век в Петербурге, в занятиях легкими журнальными <статьками>... <...> ...Позвольте <...> ск<азать>, что я более пред вами [имею права заговорить] <о Русском> народе. По крайней мере, мои сочинения, по едино<душному> убеждению, показывают знание пр<ироде> русской, выдают человека, который был с народом наблюда<телен> и <1 вырвано> стало быть, уже имеет дар вход<ить в его жизнь>, и что может быть то<чно> глуб<оким знатоком> природы, о чем говорено <было> много и что подтвердили сами вы в ваших критиках. А что предста<вите <вы> в доказательство вашего знания <человеческой> природы и Русского народа, что вы произвели такого, в котором видно <это> зна<ние>? <...> ...Меня изумила эта отважная самонадеянность, с которою вы говорите: “Я знаю [об<щество>] наше и дух его”, и ручаетесь <в этом>. <...> Какими данными вы можете удостоверить, что знаете общество? Где ваши средства к тому? Показали ли вы где-нибудь в сочиненьях своих, что вы глубокий ведатель души человека? Прошли ли вы опытной жиз<нью>? Живя почти без прикосновенья с людьми и светом, ведя мирную жизнь журнального сотрудника, во всегдашних занятия<х> фельетонными статьями, как вам иметь понятие об этом громадном страшилище, котор<ое самыми неочи>стыми явлениями <ловит человека> в ту ловушку, в ко<торую попадают> все молодые пи<сатели, рассуждающие обо> всем мире и человечестве...” [Гоголь 2009–2010. 14: 390–392] (письмо осталось неотправленным).

IV. «...Невежество всеобщее»: непонимание сатиры Гоголя

Вопрос о дилетантизме и узости (буквально — «невежестве») радикальных литераторов был для Гоголя тем более насущен, что это непосредственно сказывалось на интерпретации либеральными критиками, во главе с Белинским, его произведений в противоправительственном духе.

Так или иначе все представители западнической партии делали себе имя на гоголевском наследии: повестями Гоголя прокладывал себе дорогу во Франции Тургенев, на сочинениях Пушкина, Гоголя и Лермонтова «возрастал» Белинский; на мемуарах о Гоголе и пушкин-

ской биографии завоевывал себе авторитет Анненков. Аналогичным образом — пытаюсь «со стола» Гоголя — поднимались критики после-гоголевской эпохи Чернышевский и Писарев. Популярные в обществе радикальные критики проявляли при этом, по оценке Гоголя, вопиющую «некомпетентность» в истолковании его произведений. Согласно гоголевскому взгляду, она проявлялась не только из-за элементарной неинформированности или нежелания принимать во внимание неудобные факты, но и на уровне духовно-нравственного воспитания и образования критиков.

Гоголь подчеркивал при этом чрезвычайную внушаемость широкой публики, ее подверженность «авторитетному» для нее мнению, способность принимать на веру любые аргументы. Такой зритель представлялся Гоголю чем-то вроде Агафьи Тихоновны в «Женитьбе», легко убеждаемой Кочкаревым самыми нелепыми доводами: «Иван Кузьмич человек... ну, просто человек... человек, каких не сыщешь. <...> ...Сравните только: это, как бы то ни было, Иван Кузьмич; а ведь то что ни попало: Иван Павлович, Никанор Иванович, черт знает что такое!» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 342]. В «Театральном разъезде...» Гоголь вывел одного из таких зрителей-театралов, слепо повторяющем мнения лицемерного «консерватора» Ф. В. Булгарина, которые тот высказывал после просмотра «Ревизора» («глупый фарс, поддержанный приятелями <...> завязки никакой, <...> притом всё карикатуры» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 441]). Об этом театралье, бездумно повторяющем чужие мнения, Гоголь замечал: «У него есть ум, но сейчас по выходе журнала; а запоздала выходом книжка — и в голове ничего» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 441]. С этими словами перекликается в «Театральном разъезде...» реплика еще одного зрителя: «Теперь еще ничего нельзя знать. Погоди, что скажут в журналах, тогда и узнаешь» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 439]. Как указывалось, непосредственно к читателям Белинского имеют отношение слова Гоголя в статье «Об Одиссее, переводимой Жуковским» о «задних чтецах, привыкших держаться за хвосты журнальных вождей» [Гоголь 2009–2010. 6: 28]. О «всегда соглашающейся публике» и «бесстыдной дерзости <...> ученой и неученой черни» Гоголь упоминал еще ранее в письме к М. П. Погодину от 6 декабря 1835 г., подразумевая нападки на его исторические статьи в «Арабесках» Сенковского, Булгарина и Белинского [Гоголь 2009–2010. 11: 36].

Вследствие господства в тогдашнем обществе мнений либеральных журналистов подлинное направление усилий Гоголя как «сатирополитика» осталось в значительной степени не понятым и не принятым широкой публикой. Светское общество развивалось в XIX в. главным образом под знаком декабризма — а не по началам Православия, Самодержавия, Народности, как к тому призывало современников правительство. Именно непонимание современниками, актерами, зрителями и критиками, «государственного» замысла Гоголя, игнорирование ими намерения автора принести благо России, было главной причиной огорчения, которое испытал писатель от премьеры комедии. 15 мая 1836 г. Гоголь писал по этому поводу Погодину: «...Невежество всеобщее. Сказать о плуте, что он плут, считается у них подрывом государственной машины...» [Гоголь 2009–2010. 11: 54].

Общий либеральный климат определял одинаковое восприятие гоголевской сатиры в оппозиционном духе не только со стороны либералов (что само по себе понятно), но и со стороны записных «консерваторов». Тот же Вяземский, который верно обозначил в 1836 г. консервативно ориентированный пафос гоголевских обличений, позднее, в 1876 г., констатировал, что, кроме Государя, дозволившего «Ревизора» и постановке и печатанию, большинством читателей и зрителей гоголевские намерения были истолкованы превратно. Вяземский писал, что современники, напротив, видели в «Ревизоре» «прикрытое нападение на предрежащие власти». Одни этому «радовались» («Известно, до какой степени бывают легковжны так называемые либералы. При малейшем движении, при самой неосновательной надежде, они готовы заключить, что прибывает к их полку и простодушно радуются победе своей»); другие «с этой точки зрения <...> смотрели на комедию как на государственное покушение <...> и в <...> комике видели едва ли не опасного бунтовщика». Но и те, и другие, заключал Вяземский, были неправы. И с той, и с другой стороны «тайный умысел открыли <...> слишком зоркие, но вполне ошибочные глаза» [Вяземский 1879: 274–275].

По сути, Вяземский повторил в 1876 г. признание самого Гоголя в письме к В. А. Жуковскому, написанном тридцатью годами ранее. 10 января (н. ст.) 1847 г.¹ Гоголь писал Жуковскому: «Я решился со-

¹ Письмо является продолжением «Авторской исповеди». Оно предназначалось к публикации во втором (несостоявшемся) издании

брать все дурное, какое только я знал, и за одним разом над ним посмеяться, — вот происхождение “Ревизора”! Это <...> произведение, замышленное с целью произвести доброе влияние на общество, что, впрочем, не удалось: в комедии стали видеть желание осмеять узаконенный порядок вещей и правительственные формы, тогда как у меня было намерение осмеять только самоуправное отступление некоторых лиц от форменного и узаконенного порядка» [Гоголь 2009–2010. 15: 11].

Еще ранее в «Театральном разъезде...» Гоголь привел следующие мнения зрителей о «Ревизоре»: «...Этого нельзя позволять, подкуп, взрыв всех властей. <...> Цель его поколебать основные законы правления. <...> Я бы просто автора за это в Сибирь! <...> ...Это насмешки над правительством, над законами. <...> Да он опасный человек. <...> Уж значит, что у него нет ни Бога, ни религии...» [Гоголь 1937–1952. 5: 383, 386, 391]. По словам Гоголя, он не увидел «ни в ком сердечного участия» к себе как создателю «Ревизора», но, напротив, встречал «даже какое-то явное желание воздвигнуть» против него «преследование и гонения, как против человека, опасного для общества и государства», слышал «обвинения <...> в ужасном вреде <...> и в какой-то таинственной важности политической»: «Мне тяжело было слышать голос [негодования и нерасположения] безжалостного нерасположения и безучастия» [Гоголь 1937–1952. 5: 386–387, 390].

Ранее, 29 апреля 1836 г., Гоголь сообщал также М. С. Щепкину о своей комедии: «Действие, произведенное ею, было большое и шумное. Все против меня. Чиновники пожилые и почтенные кричат, что для меня нет ничего святого, когда я дерзнул так говорить о служащих людях. Полицейские против меня, купцы против меня, литераторы против меня. <...> Если бы не высокое заступничество Государя, пьеса моя не была бы ни за что на сцене, и уже находились люди, хлопотавшие о запрещении ее. Теперь я вижу, что значит быть комическим писателем. Малейший призрак истины — и против тебя восстают, и не один человек, а целые сословия. <...> Досадно видеть против себя людей тому, который их любит, между тем, братскою любовью» [Гоголь 2009–2010. 11: 45–46].

(Свою роль в неадекватном восприятии гоголевских произведений, в том числе «Ревизора», сыграла известная амбивалентность смеха как

«Выбранных мест из переписки с друзьями» под названием «Искусство есть примирение с жизнью».

таковая. Любой художественный образ, и без того многозначный, попадая в «амбивалентную» смеховую среду, становится еще более «полифоничным», и выявить его смысловую направленность бывает порой затруднительно. Определенные проблемы составила также сложность восприятия притчи как таковой¹.)

В упомянутом письме к Погодину по поводу премьеры «Ревизора» (от 15 мая 1836 г.) Гоголь писал: «Я <...> не сержусь, что сердятся и отворачиваются те, которые отыскивают в моих оригиналах свои собственные черты и бранят меня. Не сержусь, что бранят меня неприятели литературные, продажные таланты, но грустно мне это всеобщее невежество, движущее столицу... <...> Грустно, когда видишь, в каком еще жалком состоянии находится у нас писатель. Все против него, и нет никакой сколько-нибудь равносильной стороны за него. “Он зажатый! Он бунтовщик!” И кто же говорит? Это говорят люди государственные, люди выслужившиеся, опытные, люди, которые должны бы иметь на сколько-нибудь ума, чтоб понять дело в настоящем виде...» [Гоголь 2009–2010. 11: 54].

25 декабря 1850 г. С. Т. Аксаков писал Гоголю: «Я имел счастье услышать, что про моего Константина говорили те же речи, какие я слышал про вас после “Ревизора” и “Мертвых душ”, то есть: “В кандалы бы автора да в Сибирь!”» [Гоголь 2009–2010. 15: 387]. Позднее, в «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) Аксаков вспоминал: «...Были люди, которые возненавидели Гоголя с самого появления “Ревизора”. “Мертвые Души” только усилили эту ненависть. Так, например, я сам слышал², как известный граф Толстой-американец³ говорил при многочисленном собрании в доме Перфильевых⁴, которые были горячими поклонниками Гоголя, что он “враг России и что его следует в кандалах отправить в Сибирь”. В Петербурге было гораздо более таких особ, которые разделяли мнение графа Толстого» [Виноградов 2017–2018. 4: 121].

Бывшая жена И. И. Панаева (с 1839 г.), Авдотья Яковлевна, дочь петербургского актера Я. Г. Брянского (Григорьева) (во втором

¹ См.: [Виноградов 2017; Виноградов 2018а: 216–230; Виноградов 2020с].

² В конце мая 1842 г.

³ Граф Федор Иванович Толстой (1782–1846).

⁴ Генерал-майор С. В. Перфильев и его жена Анастасия Сергеевна (рожд. Ланская, ум. в 1891).

браке (с 1865 г.) Головачева), в 1889 г. писала: «В. И. Панаев <дядя И. И. Панаева> не признавал современную литературу; по его мнению, Гоголю надо было запретить писать, потому что от всех его сочинений пахнет тем же запахом, как от лакея Чичикова. Он приходил в ужас от того, что “Ревизора” дозволили играть на сцене. По его мнению, это была безобразная карикатура на администрацию всей России, которая охраняет общественный порядок, трудится для пользы отечества, и вдруг какой-то коллежский регистраторишка¹ дерзает осмеивать не только низший класс чиновников, но даже самих губернаторов. В. И. Панаев занимал видное место по службе, был в генеральском чине, считал себя очень важным лицом в администрации и очень заботился о сохранении почета, который обязаны оказывать таким лицам» [Виноградов 2011–2013. 3: 289].

«Узнаваемыми» оказались герои «Ревизора» среди местной администрации Гадяча, Рыбинска, Ростова-на-Дону, Риги. Запрет на постановку комедии (вопреки разрешению пьесы к постановке и печатанию самого Императора) последовал со стороны одного из тогдашних губернаторов (казанского С. С. Стрекалова или вологодского Д. Н. Болговского [Виноградов 2017–2018. 6: 317–318]). Судя по всему, гоголевская пьеса вызывала у попавших «в сатиру» чиновников те же чувства, что и правительственные ревизии, тема которых послужила ее основой. Насколько в ее отрицательной оценке играли роль искренние консервативные убеждения обличаемых, сказать трудно.

Так или иначе, но преобладающим в обществе оказалось одинаково «ошибочное», по замечанию Вяземского, восприятие «Ревизора» в оппозиционном смысле и «консерваторами», и либеральными обличителями. На примере Белинского (и многочисленных работ о Гоголе последующих критиков и публицистов) можно судить, что «невежество» в понимании гоголевских произведений с годами становилось лишь агрессивнее. Вероятно, и Белинского имел в виду Гоголь, когда, укоряя себя, писал в «Авторской исповеди», что со

¹ В. И. Панаев был непосредственным начальником Гоголя в Департаменте уделов, где начинающий писатель служил с апреля 1830 г. по март 1831 г. и где 3 июня 1830 г. был утвержден в чине коллежского регистратора (см.: [Виноградов 2017–2018. 4: 67–69, 72–74]). Отдельными чертами В. И. Панаева Гоголь, возможно, воспользовался при создании образа «значительного лица» в «Шинели» (см.: [Виноградов 2000: 252]).

смехом нужно быть «очень осторожным»: «С тех пор как мне начали говорить, что я смеюсь не только над недостатком, но даже целиком и над самим человеком, <...> и над местом, над самой должностью, которую он занимает (чего я никогда даже не имел и в мыслях), я увидал, что нужно со смехом быть очень осторожным, — тем более, что он заразителен, и стоит только тому, кто поостроумней, посмеяться над одной стороной дела, как уже вослед за ним тот, кто потупее и поглупее, будет смеяться над всеми сторонами дела» [Гоголь 2009–2010. 6: 225].

Злоупотребление радикалами духовными понятиями, их откровенное «невежество» в этих вопросах, приводило к тому, что «карающий идеализм» Гоголя (выражение И. Ф. Анненского), направленный на исправление недостатков, становился в руках либеральной партии разрушительной противоправительственной «дубиной». 1 декабря (н. ст.) 1838 г. Гоголь вновь писал Погодину: «Битву, как ты сам знаешь, нельзя вести тому, кто благородно вооружен одною только шпагой, защитницей чести, против тех, которые вооружены дубинами, дрекольями. Поле до<лжно> <ост>аться в руках буянов. Но мы можем, как п<ер>вые> <хрис>тиане в катакомбах и затворах совершать наши творения» [Гоголь 2009–2010. 11: 192].

Не только к правительству, но и к дворянскому служилому сословию, к тому же недостойному Городничему, выведенному в «Ревизоре», Гоголь относился иначе — не так, как это пытались представить современные писателю и последующие радикальные критики. Несмотря на негативные явления, Гоголь, обличая чиновников, порочащих дворянское звание, был убежден в том, что «у нас дворянство есть цвет нашего же народа» [Гоголь 2009–2010. 6: 147], что следует «ввести дворянство в познание истинное своего звания» [Гоголь 2009–2010. 6: 146]: «Сословие это в своем истинно русском ядре прекрасно, несмотря на временно наросшую чужеземную шелуху. Но дворянство этого еще не слышит. <...> Дворянство у нас есть как бы сосуд, в котором заключено это нравственное благородство, долженствующее разноситься по лицу всей Русской земли затем, чтобы подать понятие всем прочим сословиям, почему сословие высшее называется цветом народа» [Гоголь 2009–2010. 6: 146, 148].

V. Духовные проблемы обличения и сатиры

Тема «Гоголь и цензура» в той форме, в какой пытались представить эту проблему советское литературоведение, является, по сути, политической фикцией, порожденной соответствующей ангажированной идеологией. В случае с Гоголем противостояние личности и власти гораздо правильнее рассматривать в том контексте, который отражает взгляды самого писателя. В большинстве случаев отношения Гоголя с современной ему государственной политикой можно уподобить «полемике» с гражданской властью священника или духовного лица, взаимоотношениям между светской и духовной властями, расхождению между реальной, часто несовершенной жизнью и христианской проповедью. Именно такой подход в значительной степени исчерпывающе объясняет все особенности прохождения в цензуре гоголевских произведений, сообщает не вполне ясной до сих пор картине взаимоотношений Гоголя и власти объяснимый, цельный и последовательный характер.

Уясняется при таком подходе и «политизация» или радикализация духовных обличений Гоголя в современной писателю либеральной среде. Для представителей радикального направления идеал, даже самый высокий, по сути, никогда не имел личного воспитательного значения, но являлся лишь удобным поводом для негативного отношения к «внешним» (или к самой действительности в любых ее проявлениях). Оппозиционно настроенные современники, к числу которых принадлежали, как указывалось, не только западники, но и большая часть приятелей Гоголя из славянофилов, хотя внешне и черпали свой протест из будто бы духовных начал — из гегельянства и даже из Православия, на деле попросту использовали «идеальные» понятия и представления в качестве предлога и «тарана» — подручного, вспомогательного средства для оправдания своего неприятия современности. Исключительная заслуга Гоголя состоит в том, что он решительно отделял себя от такого понимания «духовности». Со всей определенностью Гоголь подчеркивал, что христианство, Православие не является орудием, «с помощью» которого удобно крушить неугодную по каким-либо причинам власть, но несет с собой проповедь любви, сострадания, терпения, смирения и единения.

После разрушения *религиозно* ориентированного государства будто бы «еще более» религиозными идеологическими концепциями по-

следние оказывались в итоге не нужными — и как выполнившие свое единственное предназначение, использованные в качестве таранов, окончательно оставлялись, тогда как на первый план выходила сама агрессивная суть этого разрушительного, несмотря на внешнюю оболочку «духовности», процесса. Разрушив духовность «еще большей» «духовностью», радикальные идеологи переходили к окончательному уничтожению религиозных основ — того, что составляло традиционный нравственный народный уклад. Сбросившая маску «духовности» атеистическая и нигилистическая идеология вскоре направила свой главный удар против пастырских обличений воинствующей антирелигиозной политики. В 1930-е гг. священники за свою традиционную — применимую *к любому времени и к любой власти* — проповедь приговаривались новыми политическими «цензорами» к заключениям и расстрелам лишь на том очевидном основании, что «идеалы» новой эпохи оказывались несовместимыми с традиционными духовными ценностями, пастырское слово резко контрастировало с марксизмом-ленинизмом. (В ходе последующей реабилитации было определено установлено, что Русская Церковь и ее священнослужители пресловутой «контрреволюционной деятельностью» никогда не занимались [Иноземцева: 136].) «Логика» обвинителей была крайне примитивна и проста: «...Священник Увицкий <...> в проповедях <...> говорит из Евангелия, которое сравнивает с современной жизнью. Поэтому <его> проповеди носят антисоветский характер» [Священномученик Сергей Увицкий: 33]. «Врагом революционного движения» оказывался даже св. праведный Иоанн Кронштадтский (1829–1908)¹. По такой же «логике» попадало под запрет и наследие Гоголя. В своих заметках он писал: «Выше того не выдумать, что уже есть в Евангелии. Сколько раз уже отшатывалось от него человечество и сколько раз обращалось» [Гоголь 2009–2010. 6: 406]; «Один только исход общества из нынешнего положения — Евангелие» [Гоголь 2009–2010. 6: 406]. В советское время такие проповеди признавались прямо антисоветскими: «...Лжесвидетель <...> будучи секретным осведомителем, <...> характеризуя отца Петра <Никотина>, <...> сказал: “В большие религиозные праздники он произносит проповеди антисоветского характера, вот например: “Без Христа человечество жить не может. Где нет Христа, там ссоры, драки, ругань, там нет ни чести, ни стыда”...»

¹ См.: [Преподобноисповедник Гавриил (Игошкин): 120].

[Священномученик Петр (Никотин)...: 203]. Намеренное оставление за рамками советского академического издания 1937–1952 гг. целого корпуса текстов Гоголя религиозного, духовно-нравственного содержания (см. выше) было, очевидно, вполне закономерным в эту эпоху.

Если ранее общая религиозно-политическая идеология сдерживала возможную государственную «тиранию» едиными для всех ценностями — обеспечивая таким образом относительную симфонию власти, народа и Церкви, то теперь новая, не стесняемая никакими духовными и нравственными ограничениями государственность в полной мере превращалась в самодовлеющую агрессивную диктатуру, в которой «антисоветским», антигосударственным объявлялось само Евангелие. В этом отношении противостояние духовных начал и агрессивной, атеистической идеологии, с абстрактными, туманными и выпяченными теоретическими формулировками марксизма — вместо подлинной морали¹, оставляет «позади» даже времена древних римских императоров — гонителей Церкви. Как замечает современный историк Церкви, «гонения на христиан в Римской империи, в отличие от гонений в советской России, нельзя рассматривать как антинародные, поскольку римская власть, жестоко преследуя христиан, видела в них разрушителей языческой культуры своего народа. И в этом римская власть пользовалась народной поддержкой. В России большевики уничтожали

¹ На такого рода неопределенных формулировках, с практическими репрессивными выводами, строились сама правовая, юридическая казуистика того времени, а именно, Уголовный кодекс РСФСР 1922–1956 гг.: «Контрреволюционным признается <...> оказание каким бы то ни было способом помощи той части международной буржуазии, которая, не признавая равноправия коммунистической системы, приходящей на смену капиталистической системе, стремится к ее свержению, а равно находящимся под влиянием или непосредственно организованным этой буржуазией общественным группам и организациям, в осуществлении враждебной против Союза ССР деятельности...». Это пособничество «международной буржуазии» объявлялось советской властью заслуживающим наказания в виде «лишения свободы на срок не ниже трех лет с конфискацией всего или части имущества, с повышением, при особо отягчающих обстоятельствах, вплоть до высшей меры социальной защиты — расстрела или объявления врагом трудящихся, с лишением гражданства союзной республики и, тем самым, гражданства СССР и изгнанием из пределов СССР навсегда, конфискацией имущества» (ст. 58, § 4) [Уголовный кодекс РСФСР: 27]. От применения 58-й статьи пострадало в те годы около четырех миллионов человек.

традиционную православную культуру коренного бытования народа. <...> Все это сопровождалось применением мер принудительного воздействия на миллионы людей» [Иноземцева: 135–136]. Маргинальные по отношению традиционной русской культуре XIX в., радикальные идеологи были буквально «вынуждены» насаждать свою власть репрессивными мерами и насильственными методами, уничтожая прежде всего тех лиц, которые пользовались духовным авторитетом и влиянием в народе. («Приговор истории» этой системе и возвращение российского общества к традиционным ценностям совершились в конце 1980-х гг.)

Положение пастыря-обличителя является, таким образом, в значительной степени «универсальным», типичным, т. е. характерным не только для гоголевского времени. Религиозная обличительная проповедь, с трудом терпимая современниками в XIX в., оказывалась еще более «неприемлемой» для последующего XX в. — по сугубой степени его апостасии и бездуховности.

С другой стороны, нельзя опять-таки не отметить и опасность противоположного, одностороннего, сектантского обличения, питаемого не духовными побуждениями, а политическими, нигилистическими мотивами. Так это, к примеру, происходит в деятельности какого-нибудь современного американского пастора или отечественного «пророка»-оппозиционера (вроде Андрея Курбского [Попович: 84–89]), крушащего русскую государственность или церковную иерархию за недостаточную «духовность». Непосредственное отражение такая нигилистическая идеология и нашла в интерпретациях гоголевских произведений последователями Белинского.

Именно изучение проблем духовного и псевдо-духовного проповедничества позволяет ответить на вопрос, каким образом гоголевская религиозная «критика справа» со стороны самих законов Российской державы оказалась на вооружении леворадикальной «натуральной школы» и последующих революционно-демократических течений.

Точное подобие такой практики можно обнаружить в деятельности различных сект, берущих за основу текст Священного Писания, но извращающих его смысл в своих интересах. Так проповедь покаяния становится средством идеологической борьбы. Новейшие толкователи Библии, — к примеру, А. П. Лопухин в интерпретации Книги

пророка Ионы¹, — находят, к примеру, возможность такого понимания Священной истории, когда в слове пророка усматривается оружие для борьбы с врагами. Главной целью проповеди оказывается, согласно такому толкованию, не спасение «нечестивых» невинитян от наказания, — ради чего, собственно, и был послан пророк, — а предотвращение от ниневийского нашествия другого народа, израильтян. Акцент в данном объяснении смещен так, как это и произошло позднее в России в начале XX в. с истолкованием «Ревизора» и «Мертвых душ». Гоголевское обличение греха в «Ревизоре» и в «Мертвых душах» в предреволюционные и послереволюционные годы была направлено не на исправление и спасение, «воспитание» тех, к кому было обращено, но на прямое их уничтожение.

Подобное использование гоголевских сочинений берет свое начало не в авторском замысле, а объясняется ложным и предвзятым их толкованием. Как писал Н. А. Котляревский, «Гоголь по своим политическим взглядам был всегда чистокровным консерватором и верно-подданным. Либеральный оттенок его комедиям и его творчеству придал не он, а условия нашей общественной жизни времен императора Николая...» [Котляревский: 249]. Ю. Н. Говоруха-Отрок отмечал, что в «том значении, которое приписывали» произведениям Гоголя «его усердные» радикальные «комментаторы», сам писатель был «невинен»: «...Западничество наше сказало бы свое отрицающее Россию слово и без *Мертвых Душ*» [Говоруха-Отрок: 3]. Христианская мысль о воскрешении «мертвых душ», обращенная в гоголевских произведениях к каждому человеку лично, религиозный призыв к очищению нравов, восстановлению «узаконенного порядка» и «невидимая брань» с мистически реальным злом превращалась под пером революционно-демократических критиков в прямую проповедь уничтожения и чело-веконенавистничества. При этом попытка Гоголя остановить такое, несовместимое с подлинной культурой, «употребление» его сочинений выдавалось, вопреки здравому смыслу, за умаление их «общественного звучания». Такую судьбу в руках распространителей противообщественных учений разделили в XIX–XX вв., вместе с гоголевскими произведениями, многие явления отечественной культуры, не исключая текстов Священного Писания, — согласно слову самого Писания: «...в злохудожну душу не внидет премудрость» (Прем. 1, 4). С послед-

¹ См.: [Лопухин: 478–480].

ним явлением также был хорошо знаком Гоголь, о чем свидетельствует его замечание в неотправленном письме к Белинскому о «нынешних ком<м>унистах и социалистах, объясняющих, что Христос повелел отнимать имущества и грабить тех, которые нажили себе состояние» [Гоголь 2009–2010. 14: 388]. «Все можно извратить и всему можно дать дурной смысл, человек же на это способен», — писал Гоголь [Гоголь 2009–2010. 6: 57].

Следует, безусловно, резко разграничивать направление творчества Гоголя от пафоса его мнимых продолжателей — представителей «натуральной школы», возглавляемой Белинским. Несомненны исключительные заслуги Гоголя в становлении реализма русской словесности — без агрессивной политической тенденции, которую настойчиво пытались навязать произведениям писателя критики-западники. Гоголевский реализм не просто оказывал влияние на художественную литературу, но менял само видение реальности, сказываясь даже на научных трудах. Так, Погодин, работая над своими многотомными «Исследованиями, замечаниями и лекциями о русской истории», в 1848 г. в письме к Гоголю признавался: «Тебе, то есть впечатлениям, тобою произведенным, понятиям, тобою возбужденным в “Ревизоре” и “Мертвых душах” об объективности действующих лиц, обязана моя “История” много» [Гоголь 2009–2010. 14: 296–117]. За год перед тем Погодин сообщал профессору И. И. Давыдову: «О тоне Истории своей, о тоне Истории вообще для нашего времени я думал ни много, ни мало десять лет; принимался писать в продолжение этого времени несколько раз, и недовольный оставлял; смотря и слушая Гоголя, записал на своей тетради, 1840 года, января 5: вот каких *живых* людей надо в историю...» [Барсуков. 9: 89].

Младший современник писателя, князь Д. А. Оболенский, познакомившийся с Гоголем в 1848 г., позднее (в 1873 г.) отмечал: «Некоторые позднейшего времени статьи о Гоголе могут служить доказательством, какая бездна отделяет понимание Гоголя новейшими критиками от того непосредственного, живого и могучего влияния, которое Гоголь действительно имел на нравственное развитие современной ему молодежи. Здесь не место протестовать против странной оценки социальных и политических убеждений Гоголя; здесь не место разбирать, кто из современных писателей глубже и шире относится к жизненным вопросам общества. Скажу только, что поколение, выработавшее и осущест-

стившее все реформы последнего десятилетия, воспитано Пушкиным и Гоголем и приготовлено их нравственным влиянием к деятельности и плодотворному труду, хотя ни Пушкин, ни Гоголь не написали ни одного трактата о какой-либо реформе и не переносили на русскую почву социального бреда иноземных мыслителей» [Виноградов 2011–2013. 3: 686].

В 1874 г. Иван Аксаков писал А. О. Смирновой: «Знаете, о чем я теперь собираюсь писать? О Гоголе. <...> То значение, которое имел Гоголь для литературы, для современников, <...> то наслаждение, которое доставляло художественное воспроизведение пошлых, грязных и сальных сторон русской жизни, наслаждение чуждое всяких тенденциозных, социалистических соображений, все это теперь — вещи невятные. Это необходимо истолковать, и потому мне хочется написать <...> два этюда о Гоголе: один — “место или значение Гоголя в истории русской литературы и русского общества”, а другой — психологический этюд о самом Гоголе...» [Виноградов 2011–2013. 2: 943]. (К сожалению, своего намерения Аксаков так и не исполнил.)

Историк литературы Н. К. Бокадоров в 1902 г. указывал: «Гоголь <...> явился провозвестником тех реформ, какие были совершены в царствовании Императора Александра II. Как “Мертвые души” были ласточкой освобождения крестьян, так “Ревизор” был вестником скорого, правого и милостивого суда, земских учреждений и других мер к подъему честности и гражданского долга чиновников» [Бокадоров: 275].

В. А. Панаев, кроме того, вспоминал: «Вообще, в прежние времена, литература имела, положительно, воспитательное значение. Например, по выходе “Мертвых Душ” Гоголя, года через два, провинция сделалась неузнаваема. Громадный авторитет, приобретенный “Мертвыми Душами”, имел благотворное воспитательное значение для всей России. Сверх того, более или менее, повсюду сделалось известным, что сам император дал средства Гоголю для его работы, дабы он не был вынужден быть поденщиком из-за куска хлеба. Следовательно, общество знало, что произведение Гоголя было санкционировано в высшем слое общества» [Панаев: 502].

Отмечая некомпетентность и разъедающую нетерпимость «негосударственных людей» в определении путей развития страны, в деле управления ею, Гоголь, несмотря на настойчиво провозглашаемое ли-

беральными литераторами следование действительности — декларируемые «физиологизм», «натурализм» (позднее «реализм»), — уже при самом зарождении натуральной школы однозначно указал, что произведения радикального западничества — как прямого подражания тогдашней французской литературе¹ — являются в значительной мере кривым зеркалом жизни.

Достаточно, к примеру, сравнить изображение бursы у Гоголя (в «Тарасе Бульбе» и «Вии») и у последователя «натуральной школы» Н. Г. Помяловского, чтобы убедиться в мнимом «реализме» радикального направления [Виноградов 2007]. В конце 1850-х – первой половине 1860-х гг. некто Т. И. Селиванов (выпускник духовной семинарии в самом начале XIX в.) в беседе с Г. П. Данилевским отмечал, что Гоголь «в повести “Вий” приводит верное изображение <...> бурсаков, отправлявшихся на кондиции из городов по деревням^a [Данилевский: 9]. Напротив, об «Очерках бursы» Помяловского другой современник писал: «Мы сами знаем духовные заведения не понаслышке, мы знакомы со многими из них в подробности; но утверждаем со всею силою убеждения, что не встречали ни в училищах, ни в Семинариях, ни в Академиях той отвратительной грязи, тех омерзительных гадов, того невероятного безобразия, какие описывает Г. Помяловский» [Даниленко: 115].

«Довольно посредственная литература» [Гоголь 2009–2010. 14: 392], беллетристика невысокого художественного уровня, в которой жизнь изображена «уродливо и косо» [Гоголь 2009–2010. 14: 390], «судорожные, больные произведения века, с примесью всяких непереважившихся идей» [Гоголь 2009–2010. 6: 28], — такова оценка Гоголем той либеральной псевдо-реалистической словесности, что шла на смену его произведениям и уже при жизни писателя становилась, на долгие десятилетия, определяющим идеологическим стержнем журнальной литературы.

Буквально с первых шагов своего творчества Гоголь поднял в своих произведениях тему так называемых «огорченных», «лишних людей», подразумевая под ними представителей радикальной школы, обличение которых, наряду с чиновниками-взяточниками и «мертвыми» помещичьими душами, составляло, на равных правах, предмет его художественных произведений, начиная с юношеской поэмы

¹ См. подробнее: [Виноградов 2020e: 14–17].

«Ганц Кюхельгертен» [Виноградов 2018b]. Поставленная Гоголем проблема оказалась актуальной не только для его эпохи, но с очевидностью сказалась и в том примитивизме, который являла в истолковании его произведений последующая марксистская критика — школа, представляющая собой, если оценивать ее с гоголевской точки зрения, окончательно сформировавшуюся доктрину «духовных недорослей». Пониманием сочинений Гоголя не отличалось в XX в. не только марксистское, победившее в 1917 г. атеистическое мировоззрение, но и не менее радикальная по отношению к исторической России — не менее «хлестаковская» и «ноздревская» предэмигрантская «бердяевщина», которая, отметив уже в 1918 г. — не без оснований — черты «ноздревщины» в новой, революционной эпохе¹, «проглядела», однако, те же черты в собственном нигилистическом радикализме. Свидетельством «преемственности» оценок русской жизни представителями тогдашних радикальных кругов разных толков могут служить вполне русофобские высказывания о «гоголевской России» самого Н. А. Бердяева: «В революции раскрылась <...> старая <...> полузвериная Россия харь и морд» [Бердяев: 779]². Восторжествовавшая после 1917 г. идеология последователей Белинского — Ноздревых и Хлестаковых, «огорченных», «лишних людей» — представителей новейшего западного «просвещения», с которыми боролся Гоголь [Виноградов 2018b], — была опять-таки вполне «по-ноздревски» истолкована Бердяевым как явление исконной русской жизни. Проблемы, которые ставил Гоголь, рас-

¹ «В большей части присвоений революции есть что-то ноздревское» [Бердяев: 780].

² Аналогичное мнение одного из представителей зарубежной маргинальной среды — малоизвестного актера и писателя Э. Фриделя (Фридмана, 1878–1938) приводят в качестве *итога* своей комментаторской работы над гоголевской комедией И. А. Зайцева и Ю. В. Манн в новом академическом издании сочинений Гоголя (см.: [Зайцева, Манн: 793]). Столь ценное комментаторами мнение зарубежного автора-публициста носит характер крайне субъективный и поверхностный, далекий от серьезного научного изучения; его заведомая третьестепенность очевидна из того, что строки, посвященные Гоголю, находятся в книге многочисленных популярно-публицистических эссе Э. Фриделя «Культурная история современности» (1931), где из *полутора тысяч* страниц Гоголю отведено лишь *полстраницы*. Поверхностное скольжение автора по обширному историческому материалу представляется новейшим комментаторам соответствующим уровню современной академической науки.

сматривались Бердяевым с обратным знаком — согласно идеологии тех же Ноздревых, «лишних людей», в духе радикала Белинского, являвшегося для Гоголя одним из представителей зараженных западничеством «мертвых душ».

Показательно в этом свете и известное суждение В. В. Набокова, который затрагивал тему «Гоголь и цензура» в своей лекции «Писатели, цензура и читатели в России», прочитанной в 1958 г. в Корнеллском университете (США) [Набоков]. В числе сил, «противостоящих» художнику, Набоков традиционно называл цензуру (имея в виду цензуру не только досоветского, но и — в еще большей мере — советского периода), добавляя лишь, что такой же противостоящей писателю силой была в XIX в. «утилитарная критика» Белинского, Чернышевского и Добролюбова. Особенность позиции Набокова заключается, таким образом, лишь в том, что, по его мнению, Пушкин и Гоголь находились в противостоянии, с одной стороны, требованиям правительственной цензуры, с другой — не отвечали столь же «антихудожественным» требованиям либерально-демократической критики. Подобный взгляд лишь незначительными акцентами отличается от традиционного либерального отношения к проблеме взаимоотношений художника и власти, т. е. лишь отчасти разнится со стереотипами, сложившимися во времена Белинского.

В настоящее время литературоведение нуждается в коренной ревизии предвзятых представлений о негативной роли цензуры в общественном и литературном развитии России. Главный позитивный пример в насущном пересмотре взглядов на отечественную историю представляет массовая реабилитация жертв политических репрессий, канонизация десятков тысяч новомучеников и исповедников Российских. В этом ряду находится и выработка новой, свободной от стереотипов и идеологических штампов научной концепции отечественной словесности XIX–XX вв., задача создания которой встала перед российской наукой в начале 1990-х гг. Наряду с этими процессами, в аналогичной политической и научной «реабилитации» нуждается и российская цензура. При всех недостатках цензурного ведомства XIX в., освещению которых уделяла исключительное внимание предшествующая радикальная критика, именно российская цензура боролась с теми негативными процессами, которые получили развитие в последующем, XX в., с формированием атеистических идеологий и широкими манипуляциями общественным мнением.

Необходимым звеном в реабилитации регулирующей и регламентирующей деятельности русской цензуры XIX в. становится комплексное изучение цензурных историй гоголевских произведений. Как свидетельствуют факты, на протяжении всего своего творчества писатель развивался в русле государственной идеологии, был «заодно» с правительством. Бытующие мнения об исключительно негативной роли цензуры в судьбе Гоголя, которые без весомых доказательств декларативно утверждались литературоведением предшествующего периода, оказываются, как свидетельствуют многочисленные факты, несостоятельными. Вопреки расхожим представлениям, непредвзятый анализ показывает, что в целом гоголевские тексты встретили в цензуре сравнительно несущественные затруднения. Позитивное взаимодействие государственных и личных интересов в судьбе Гоголя было обязано глубокому христианскому мировоззрению писателя и соответствующей официальной идеологии его времени.

Список литературы

Источники

Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 1–22. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1888–1910.

<Белинский В. Г.> Литературные и журнальные заметки // Отечественные Записки. 1842а. № 10. С. 127–135.

<Белинский В. Г.> Литературные и журнальные заметки // Отечественные Записки. 1842b. № 12. С. 103–112.

Белинский В. Г. Вторая книжка «Современника» // Белинский В. Г. Собр. соч.: в 9 т. М.: Худож. лит., 1976. Т. 1. С. 516–520.

Белый А. <Бугаев Б. Н.> Мастерство Гоголя. Исследование / с предисл. Л. Б. Каменева <Розенфельда>. М.; Л.: ГИХЛ, 1934. 321 с.

Бердяев Н. А. Духи русской революции // Бердяев Н. А. Падение священного русского царства: Публицистика 1914–1922 / вступ. ст., сост. и примеч. В. В. Сапова. М.: Астрель, 2007. С. 775–807.

Бессонов Б. Новые автографы русских писателей // Русская литература. 1965. № 3. С. 193–207.

Бокадоров Н. К. Комедия Гоголя. (Литературный этюд) // Памяти Гоголя. Научно-литературный сборник, изданный Историческим Обществом Нестор-летописца / под ред. Н. П. Дашкевича. Киев: Тип. Р. К. Лубковского, 1902. С. 258–287.

Вейденбаум Е. Г. Кавказские этюды. Тифлис: Центр книжн. торг., 1901. 320 с.

Виноградов И. А. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-

критическое издание: в 3 т. М.: ИМЛИ, 2011. Т. 1. 904 с.; 2012. Т. 2. 1031 с.; 2013. Т. 3. 1168 с.

Внутренние известия // Северная Пчела. 1832. 22 сент. № 220. С. 1–2.

Вяземский, князь. О нашей старой комедии. (Из сочинения: Биографические и Литературные записки о Д. И. фон Визине // Альциона на 1833-й год, издаваемая Бароном Розеном. СПб.: В тип. Инспекторского Департамента Военного Министерства, 1833. С. 187–229.

<Вяземский П. А., князь> В. «Ревизор». Комедия. Соч. Н. Гоголя. С.-Петербург. 1836 // Современник, литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным. 1836. Т. 2. С. 285–309.

Вяземский П. А. Приписка / Вяземский П. А. Ревизор. Комедия, соч. Н. Гоголя. С.-Петербург. 1836 г. // *Вяземский П. А., князь*. Полн. собр. соч. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1879. Т. 2. С. 274–275.

Глинка С. Н. Записки Сергея Николаевича Глинки. СПб.: Изд-е редакции журнала «Русская Старина», 1895. 380 с.

<Говоруха-Отрок Ю. Н.> Николаев Ю. Нечто о Гоголе и Достоевском. По поводу статьи В. Розанова «Легенда о Великом Инквизиторе», Ф. М. Достоевского. *Русский Вестник*, январь // Московские Ведомости. 1891. 26 янв. № 26. С. 3–4.

<Гоголь Н. В.> О любви к Богу и самовоспитании // Памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя / Гоголевские тексты. Изданы Г. П. Георгиевским. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1909. С. 1–7.

Гоголь Н. В. Соч.: в 3 т. / ред. К. И. Халабаева, Б. М. Эйхенбаума; вступ. ст. Л. Н. Войтоловского. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927.

Гоголь Н. В. Соч.: в 3 т. / ред. К. И. Халабаева, Б. М. Эйхенбаума; вступ. ст. Л. Н. Войтоловского. 2-е изд. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928.

Гоголь Н. В. Соч.: в 3 т. / ред. К. И. Халабаева, Б. М. Эйхенбаума; вступ. ст. Л. Н. Войтоловского. 3-е изд. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929.

Гоголь Н. В. Соч.: в 3 т. / ред. К. И. Халабаева, Б. М. Эйхенбаума; вступ. ст. Л. Н. Войтоловского. 4-е изд. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930.

Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: <в 14 т.> <Л.>: АН СССР, 1937–1952. 1940. Т. 1. 556 с.; 1949. Т. 5. 511 с.; 1952. Т. 9. 684 с.

Гоголь Н. В. Собр. соч.: в 9 т. (в 7 кн.) / сост. и коммент. В. А. Воропаева, И. А. Виноградова. М.: Русская книга, 1994. Т. 6. 560 с.; Т. 8. 784 с.

<Гоголь Н. В.> Неизданный Гоголь / изд. Подгот. И. А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, 2001. 600 с.

Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. (15 кн.) / сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010.

Городецкий Б. П. Описание автографов Н. В. Гоголя в собрании Института Литературы Академии Наук СССР // Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения / под ред. С. Д. Балухатого, Н. К. Пиксанова и О. В. Цехновицера. 1938. Т. 1. С. 432–474.

Гофман М. Л. Последние дни Гоголя. (Новые материалы) // Руль. (Берлин). 1925. 25 янв. № 1260. С. 3.

Грот К. Я. Василий Николаевич Семенов, литератор и цензор. К литературной истории 1830-х гг. // Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Л.: Изд-во АН СССР, 1928. Вып. XXXVII. С. 155–191.

<Грот Я. К., Плетнев П. А.> Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. Издана под ред. К. Я. Грота, ординарного профессора Императорского Варшавского университета. <В 3 т.> СПб.: Тип. Министерства Путей Сообщения, 1896. Т. 2. 968 с.

Д<анилевский> Г. <П.> Харьковские школы в старину и теперь. (Исторические и статистические заметки об училищах и народном образовании в Харьковской губернии). СПб.: Тип. И. Огризко, 1864. 24 с.

Даниленко Н. Бурса и ее певец // Полтавские Епархиальные Ведомости. 1863. 1 февр. № 3. С. 115–120.

Дризен Н. В., барон. Драматическая цензура двух эпох. 1825–1881. Пг.: Прометей, 1917. 347 с.

Ерофіїв Ів. Новый рукопис Гоголя. (3 рукописного відділу Музею Слободської України) // Червоний Шлях. Харків, 1926. № 2. С. 175–176.

Избранные жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней архиепископа Филарета Черниговского: в 2 кн. / Рекомендовано к публикации Издательским советом Русской Православной Церкви. М.: Сибирская Благозвонница, 2011. Июль–декабрь. 832 с.

Ильин И. А. Гоголь — великий русский сатирик, романтик, философ жизни // Ильин И. А. Собр. соч.: в 10 т. М.: Русская книга, 1997. Т. 6. Кн. 3 / сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы. С. 240–276.

Котляревский Н. А. Николай Васильевич Гоголь. 1829–1842. Очерк из истории русской повести и драмы. СПб.: Тип. Н. Н. Скороходова, 1903. 438 с.

<Кудрявцев П. Н.> Прodelки на Кавказе. Соч. Е. Хамар-Дабанова <Е. П. Лачиновой>. Спб., 1844 // Отечественные Записки. 1844. № 6. С. 67–72.

Лозинский Г. Л. Письмо Пушкина об авторском праве // Временник Общества друзей русской книги. Париж, 1928. Вып. 2. С. 85–94.

Лопухин А. П. Библейская история Ветхого и Нового Заветов. Полное издание в одном томе. М.: Альфа-книга, 2009. 1215 с.

Набоков В. В. Писатели, цензура и читатели в России // Набоков В. В. Лекции по русской литературе / пер. с англ. С. Антонова, Е. Голышевой, Г. Дашевского и др. СПб.: Азбука-классика, 2010. С. 25–42.

Никитенко А. В. Дневник: в 3 т. / подгот. текста, вступ. ст. и примеч. И. Я. Айзенштока. <Без м. изд.>: ГИХЛ, 1955. Т. 1. 543 с.

<Одоевский В. Ф., князь>. Из бумаг князя В. Ф. Одоевского // Русский Архив. 1874. № 7. Стб. 11–54.

<Одоевский В. Ф., князь>. Из бумаг князя В. Ф. Одоевского // Русский Архив. 1897. № 6. Стб. 283–284.

Одоевский В. Ф. <...> Записная книжка // Одоевский В. Ф. Романтические повести / Предисл., вступ. ст. и ред. О. Цехновицер. Л.: Прибой, 1929. С. 61–76.

<Панаев В. А.> Воспоминания Валериана Александровича Панаева // Русская Старина. 1901. № 9. С. 481–510.

Полное Собрание Законов Российской Империи <ПСЗРИ>: Собрание второе: <С 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г.>: <В 55 т.>. СПб.: Тип. 2-го Отделения Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830–1885.

Преподобноисповедник Гавриил (Игошкин) / Составитель священник Максим Максимов // Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии / под общ. ред. Председателя Синодальной Комиссии по канонизации святых Митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия. Тверь: Булат, 2003. Сентябрь–Октябрь. С. 112–128.

<Примечание издателей> // Соч. Н. В. Гоголя / под ред. Н. С. Тихонравова и В. И. Шенрока. Лит.-изд. отдел Народного Комиссариата по просвещению. Пг., 1919. С. 2.

<Пушкин А. С. О записках Видока> В одном из № Литературной Газеты упоминали о Записках Парижского палача... // Литературная Газета. 1830. 6 апр. № 20. С. 162.

Пушкин А. С. Смесь // Соч. Александра Пушкина. СПб.: В тип. И. Глазунова и К^о, 1841. Т. 11. С. 1–353.

Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 16 т. (в 20 кн.). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959.

С. <псевдоним>. Гоголь под николаевской цензурой // Вечерняя Москва. М., 1927. 2 июля. № 147. С. 4.

Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. СПб.: В тип. Морского министерства, 1862. 482 с.

Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб.: В тип. Императорской Академии наук, 1864. Т. 1. 1644 стб.

Священномученик Петр (Никотин) и мученики Виктор (Фролов), Иоанн (Рыбин), Елизавета (Куранова), Николай (Кузьмин) / сост. священник Максим Максимов // Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии / под общ. ред. Председателя Синодальной Комиссии по канонизации святых Митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия. Тверь: Булат, 2005. Дополнительный том I. С. 197–212.

Священномученик Сергей Увицкий // Жития святых Екатеринбургской епархии / Тексты и фотоматериалы для книги подготовлены Комиссией по канонизации святых Екатеринбургской епархии. Екатеринбург: Информационно-издательский отдел Екатеринбургской епархии, 2008. С. 25–42.

Титов А. Александр Бестужев — герой забытого романа // Русская литература. 1959. № 3. С. 133–138.

Толстой Л. Н. Исповедь. (Вступление к ненапечатанному сочинению) // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худож. лит., 1957. Т. 23. С. 1–59.

Уголовный кодекс РСФСР. С изменениями на 1 июня 1937 г. Официальный текст с прилож. постановлений-систематизированных материалов. М.: Юрид. изд-во, 1937. 224 с.

Устав о цензуре. СПб.: В тип. Департамента Народного Просвещения, 1829. 101 с.

<Филарет (Дроздов), святитель>. Сказание о обретении и открытии честных мощей, иже во святых отца нашего Митрофана, первого Епископа Воронежского и о благодатных при том знаменениях и чудесных исцелениях. Извлечено из ак-

тов и донесений, имеющих в Святейшем Синоде. Напечатано по определению Святейшего Синода. СПб.: В тип. Святейшего Синода, 1832. 68 с.

Чистович И. История перевода Библии на русский язык. 2-е изд. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. 347 с.

Шварц А. Н. Моя переписка со Столыпиным. Мои воспоминания о Государе. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1994. 368 с.

Шевырев С. Взгляд на современную Русскую литературу. Статья вторая // Москвитянин. 1842а. № 3. С. 153–191.

Шевырев С. Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Москва. В Универ. Типогр. 1842. В 8-ку, 475 стран. Статья первая // Москвитянин. 1842b. № 7. С. 207–228.

Шевырев С. Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Москва. В Универ. Типогр. 1842. В 8-ку, 475 стран. Статья вторая // Москвитянин. 1842с. № 8. С. 346–376.

Шевырев С. Критический перечень произведений Русской Словесности за 1842 год // Москвитянин. 1843. № 1. С. 274–298.

Шевырев С. Теория смешного, с применением к Русской комедии // Москвитянин. 1851. № 1. С. 106–120.

Шевырев С. П. Лекции о русской литературе, читанные в Париже в 1862 году. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1884. 280 с.

Шенрок В. И. Предисловие к 17-му изданию // Соч. Н. В. Гоголя. 17-е изд. Под ред. Н. С. Тихонравова и В. И. Шенрока. СПб.: Изд-е А. Ф. Маркса, 1901. С. 8.

Шенрок В. И. Предисловие к 17-му изданию // Соч. Н. В. Гоголя / под ред. Н. С. Тихонравова и В. И. Шенрока. Пг.: Лит.-изд. отдел Народного Комиссариата по просвещению, 1919. С. 8.

<Glinka S. N.> Observations morales sur la presse périodique en France. Par Serge Glinca. Moscou, 1828. 12 p.

<Shevyrev S., Rubini G.> Storia della letteratura Russa per Stefano Sceviref e Giuseppe Rubini. Firenze: Felice le Momnnier, 1862. 346 p.

Исследования

Виноградов И. А. Гоголь — художник и мыслитель: Христианские основы мирозерцания. М.: ИМЛИ РАН, 2000. 448 с.

<Виноградов И. А.> О благодарности. (Неизвестное сочинение Гоголя). Публикация, научная подготовка текста и статья И. А. Виноградова // Литературная учеба. 2001. Кн. 3. Май–июнь. С. 141–148.

Виноградов И. А. Повесть Н. В. Гоголя «Вий»: Из истории интерпретаций // Н. В. Гоголь и современная культура: Шестые Гоголевские чтения: Материалы докладов и сообщений Международной конференции / Комитет по культуре г. Москвы; Центр. гор. б-ка — мемор. центр «Дом Гоголя» / под общ. ред. В. П. Викуловой. М.: Книжный дом «Университет», 2007. С. 105–122.

Виноградов И. А. Комментарий // Гоголь Н. В. Тарас Бульба. Автографы, прижизненные издания. Историко-литературный и текстологический комментарий / изд. Подгот. И. А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 385–656.

Виноградов И. А. Гоголь в Нежинской гимназии высших наук: Из истории образования в России. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 352 с.

Виноградов И. А. Самая патриотическая книга нашей словесности («Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя») // Актуальные вопросы изучения духовной и светской словесности. М.: ИПО «У Никитских ворот», 2017. Вып. 1 / Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького РАН; ред. М. И. Щербакова. С. 77–94.

Виноградов И. А. Летопись жизни и творчества Н. В. Гоголя (1809–1852). С родословной летописью (1405–1808): в 7 т. М.: ИМЛИ РАН, 2017–2018. Т. 1: 1405–1808; 1809–1828. 736 с.; Т. 2: 1829–1836. 672 с.; Т. 4: 1842–1844. 704 с.; 2018. Т. 6: 1848–1850. 656 с.

Виноградов И. А. Страсти по Гоголю. О духовном наследии писателя. М.: Вече, 2018. 320 с.

Виноградов И. А. «Огорченные люди» в творчестве Н. В. Гоголя // Проблемы исторической поэтики. 2018. Т. 16, № 4. С. 29–114.

Виноградов И. А. Славянофил-государственник. Гоголь в движениях эпохи // Два века русской классики. 2019. Т. 1, № 2. С. 38–63.

Виноградов И. А. Ю. Ф. Самарин как неизвестный адресат «Выбранных мест из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя. К 200-летию мыслителя-славянофила // Вестник славянских культур. 2019. Т. 54. С. 197–212.

Виноградов И. А. Образ монарха-наставника в творчестве Н. В. Гоголя // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17, № 2. С. 111–134.

Виноградов И. А. Феномен западничества в славянофильстве: взгляд Гоголя // Литературный факт. 2019. № 2 (12). С. 189–224.

Виноградов И. А. Н. В. Гоголь и законы Российской Империи: К единству наследия писателя // Два века русской классики. 2020. Т. 2, № 2. С. 66–133.

Виноградов И. А. Концепт закона в творчестве Н. В. Гоголя // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18, № 2. С. 64–86.

Виноградов И. А. Религиозный замысел комедии Н. В. Гоголя «Игроки» // Литературный процесс в России XVIII–XIX вв. Светская и духовная словесность. М.: ИМЛИ РАН, 2020. Вып. 2 / отв. ред. М. И. Щербакова, В. Г. Андреева. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького РАН. С. 126–158.

Виноградов И. А. Послужной список Городничего в «Ревизоре». К характеристике политических взглядов Н. В. Гоголя // Литературный факт. 2020. № 1 (15). С. 237–282.

Виноградов И. А. Психологизм Н. В. Гоголя // Два века русской классики. 2020. Т. 2, № 4. С. 6–73.

Виноградов И. А., Воронаев В. А. Карандашные пометы и записи Н. В. Гоголя в славянской Библии 1820 года издания // Проблемы исторической поэтики. Вып. 5: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 2: Сборник научных трудов. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1998. С. 234–249.

Гуковский Г. А. Реализм Гоголя. М.; Л.: ГИХЛ, 1959. 531 с.

Де Лотто Ч. «Поучение» Агапита в итальянском переводе Гоголя. Н. В. Гоголь. «Expositione dei principali avvertimenti, compilata dal Agapito...» Публ. Ч. Де Лотто //

Русско-итальянский архив II. Составители Д. Рицци и А. Шишкин. (Archivio italo-russo II, a cura di D. Rizzi e A. Shishkin). Салерно (Salerno): Poligrafica Ruggiero, 2002. С. 79–88.

Зайцева И. А., Манн Ю. В. Комментарий // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 23 т. М.: Наука, 2003. Т. 4 / тексты и коммент. подгот. И. А. Зайцева, Ю. В. Манн. С. 537–888.

Звягинцев А. Г. «Вирус нацизма» // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 2 (95). С. 41–50.

Иноземцева З. П. Усвоить духовные плоды подвига новомучеников и исповедников XX столетия — насущная задача нашего общества // Оптинский альманах. Козельск: Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптиной пустыни, 2020. Вып. 6: В поисках Града Небесного. С. 133–153.

Кожин В. В. К методологии истории русской литературы (о реализме 30-х годов XIX века) // Вопросы литературы. 1968. № 5. С. 60–82.

Попович А. И. «Изображая жертву»: пафос обличения и мученичества в сочинениях Ивана Грозного и Андрея Курбского // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18, № 4. С. 67–98.

Сахаров В. И. Русская проза XVIII–XIX веков: Проблемы истории и поэтики. М.: ИМЛИ РАН, 2002. 216 с.

Сдобнов В. В. Гоголь и царская цензура // Художественное восприятие: проблемы теории и истории: межвузовский тематический сб. научных трудов / Калининский гос. ун-т; редкол.: В. В. Прозоров (отв. ред.) и др. Калинин, 1988. С. 87–93.

Свиясов Е. В. Гоголь и царская цензура // Русская литература. 1983. № 2. С. 147–150.

Эйхенбаум Б. М. Основы текстологии // Редактор и книга: сб. ст. М.: Искусство, 1962. Вып. 3. С. 41–86.

Хетсо Г. Гоголь как учитель жизни: Новые материалы // Scando Slavica. Copenhagen, 1988. Т. 34. С. 55–67.

References

Vinogradov, I. A. *Gogol' — khudozhnik i myslitel': Khristianskie osnovy mirosozertsaniia [Gogol as an Artist and Thinker: Christian Foundations of the Worldview]*. Moscow, IWL RAS Publ., 2000. 448 p. (In Russ.)

Vinogradov, I. A. "O blagodarnosti. (Neizvestnoe sochinenie Gogolia)" ["About Gratitude. (Unknown Work of Gogol)"], publ., text prep. and article by I. A. Vinogradov. *Literaturnaia ucheba*, 2001, book 3, May – June, pp. 141–148. (In Russ.)

Vinogradov, I. A. "Povest' N. V. Gogolia 'Vii': Iz istorii interpretatsii" ["N. V. Gogol's Story 'Viy': From the History of Interpretations"]. *N. V. Gogol' i sovremennaiia kul'tura: Shestye Gogolevskie chteniia: Materialy dokladov i soobshchenii Mezhdunarodnoi konferentsii [N. V. Gogol and Contemporary Culture: Sixth Gogol Proceedings: Materials of Reports and Messages of the International Conference]*. Moscow, Knizhnyi dom "Universitet" Publ., 2007, pp. 105–122. (In Russ.)

Vinogradov, I. A. “Kommentarii” [“Commentary”]. Gogol', N. V. *Taras Bul'ba. Avtografy, prizhiznennye izdaniia. Istoriko-literaturnyi i tekstologicheskii kommentarii* [Taras Bulba. Autographs, Lifetime Editions. Historical, Literary and Textological Commentary], prep. by I. A. Vinogradov. Moscow, IWL RAS Publ., 2009, pp. 385–656. (In Russ.)

Vinogradov, I. A. *Gogol' v Nezhninskoi gimnazii vysshikh nauk. Iz istorii obrazovaniia v Rossii* [Gogol' at the Nizhyn Gymnasium of Higher Sciences. From the History of Education in Russia]. Moscow, IWL RAS Publ., 2015. 352 p. (In Russ.)

Vinogradov, I. A. “Samaia patrioticheskaia kniga nashei slovesnosti (‘Vybrannnye mesta iz perepiski s druž'iami Nikolaia Gogolia’)” [“The Most Patriotic Book in Our Literature (‘Selected Passages from the Correspondence with Friends by Nikolai Gogol’)”]. Shcherbakova, M. I., editor. *Aktual'nye voprosy izuchenii dukhovnoi i svetskoi slovesnosti* [Topical Issues in the Study of Spiritual and Secular Literature], issue 1. Moscow, IPO “U Nikitskikh vorot” Publ., 2017, pp. 77–94. (In Russ.)

Vinogradov, I. A. *Letopis' zhizni i tvorchestva N. V. Gogolia (1809–1852). S rodoslovnoi letopis'iu (1405–1808): v 7 t.* [Chronicle of the Life and Work of N. V. Gogol (1809–1852). With a Pedigree Chronicle (1405–1808): in 7 vols.]. Moscow, IWL RAS Publ., 2017–2018. Vol. 1: 1405–1808; 1809–1828. 736 p.; vol. 2; 1829–1836. 672 p.; vol. 4: 1842–1844. 704 p.; vol. 6: 1848–1850. 656 p. (In Russ.)

Vinogradov, I. A. *Strasti po Gogoliu. O dukhovnom nasledii pisatel'ia* [The Gogol Passion. On the Spiritual Heritage of the Writer]. Moscow, Veche Publ., 2018. 320 p. (In Russ.)

Vinogradov, I. A. “‘Ogorchennye liudi’ v tvorchestve N. V. Gogolia” [“‘Distressed People’ in N. V. Gogol’s Works”]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, vol. 16, no. 4, 2018, pp. 29–114. (In Russ.)

Vinogradov, I. A. “Slavianofil-gosudarstvennik. Gogol' v dvizheniiakh epokhi” [“Slavophile Statesman. Gogol in the Movements of the Era”]. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 1, no. 2, 2019, pp. 38–63. (In Russ.)

Vinogradov, I. A. “Yu. F. Samarin kak neizvestnyi adresat ‘Vybrannykh mest iz perepiski s druž'iami’ N. V. Gogolia. K 200-letiiu myslitel'ia-slavianofila” [“Yu. F. Samarin as an Unknown Addressee of N. V. Gogol’s ‘Selected Passages from the Correspondence with Friends’. To the 200th Anniversary of the Slavophile Thinker”]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 54, 2019, pp. 197–212. (In Russ.)

Vinogradov, I. A. “Obraz monarkha-nastavnika v tvorchestve N. V. Gogolia” [“The Image of the Monarch-Mentor in N. V. Gogol’s works”]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, vol. 17, no. 2, 2019, pp. 111–134. (In Russ.)

Vinogradov, I. A. “Fenomen zapadnichestva v slavianofil'stve. Vzgliad Gogolia” [“The Phenomenon of Westernism in Slavophilism. Gogol’s View”]. *Literaturnyi fakt*, no. 2 (12), 2019, pp. 189–224. (In Russ.)

Vinogradov, I. A. “N. V. Gogol' i zakony Rossiiskoi Imperii: K edinstvu nasledii pisatel'ia” [“N. V. Gogol and Laws of the Russian Empire: On the Unity of the Writer’s Heritage”]. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 2, no. 2, 2020, pp. 66–133. (In Russ.)

Vinogradov, I. A. “Kontsept zakona v tvorchestve N. V. Gogolia” [“The Concept of Law in N. V. Gogol’s works”]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, vol. 18, no. 2, 2020, pp. 64–86. (In Russ.)

Vinogradov, I. A. "Religiozniy zamysel komedii N. V. Gogolia 'Igroski'" ["The Religious Concept of N. V. Gogol's Comedy 'The Gamblers'"]. Shcherbakova, M. I., and Andreeva, V. G., editors. *Literaturnyi protsess v Rossii XVIII–XIX vekov. Svetskaia i dukhovnaia slovesnost'* [Literary Process in Russia in the 18th–19th centuries. Secular and Spiritual Literature], issue 4. Moscow, IWL RAS Publ., 2020, pp. 126–158. (In Russ.)

Vinogradov, I. A. "Posluzhnoi spisok Gorodnichego v 'Revizore'. K kharakteristike politicheskikh vzgliadov N. V. Gogolia" ["The Mayor's Career in 'The Governor Inspector'. On Nikolai Gogol's Political Views"]. *Literaturnyi fakt*, no. 1 (15), 2020, pp. 237–282. (In Russ.)

Vinogradov, I. A. "Psikhologizm N. V. Gogolia" ["Psychologism of N. V. Gogol"]. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 2, no. 4, 2020, pp. 6–73. (In Russ.)

Vinogradov, I. A., Voropaev, V. A. "Karandashnye pomety i zapisi N. V. Gogolia v slavianskoi Biblii 1820 goda izdaniia" ["N. V. Gogol's Pencil Marks and Notes in the Slavic Bible of 1820"]. *Problemy istoricheskoi poetiki, vypusk 5: Evangel'skii tekst v russkoi literature XVIII–XX vekov. Tsitata, reministsentsiia, motiv, siuzhet, zhanr, vypusk 2. Sbornik nauchnykh trudov* [Issues of Historical Poetics. Issue 5: The Gospel Text in Russian Literature of the 18th–20th Centuries. Quote, Reminiscence, Motive, Plot, Genre. Issue 2. Collection of Scientific Papers]. Petrozavodsk, Petrozavodsk University Publ., 1998, pp. 234–249. (In Russ.)

Gukovskii, G. A. *Realizm Gogolia* [Gogol's Realism]. Moscow, Leningrad, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1959. 531 p. (In Russ.)

De Lotto, C. "Pouchenie' Agapita v ital'ianskom perevode Gogolia. N. V. Gogol'. 'Expositione dei principali avvertimenti, compilata dal Agapito...'" ["The Teaching' of Agapit in the Italian translation by Gogol. N. V. Gogol. 'Expositione dei principali avvertimenti, compilata dal Agapito...'", publ. by C. De Lotto. *Russko-ital'ianskii arkhiv II* [Russian-Italian Archive II], comp. by D. Rizzi and A. Shishkin. (Archivio italo-russo II, a cura di D. Rizzi e A. Shishkin). Salerno, Poligrafica Ruggiero, 2002, pp. 79–88. (In Russ.)

Zaitseva, I. A., Mann, Iu. V. "Kommentarii" ["Commentary"]. Gogol', N. V. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 23 t.* [Complete Works and Letters: in 23 vols.], vol. 4, texts and comments prep. by I. A. Zaitseva, Yu. V. Mann. Moscow, Nauka Publ., 2003, pp. 537–888. (In Russ.)

Zviagintsev, A. G. "'Virus natsizma'" ["Virus of Nazism"]. *Vestnik Rossiiskogo fonda fundamental'nykh issledovanii. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, no. 2 (95), 2019, pp. 41–50. (In Russ.)

Inozemtseva, Z. P. "Usvoit' dukhovnye plody podviga novomuchenikov i ispovednikov XX stoletii – nasushchnaia zadacha nashego obshchestva" ["To Assimilate Spiritual Fruits of the Feat of New Martyrs and Confessors of the 20th Century is the Urgent Task of Our Society"]. *Optinskii al'manakh* [Optina Almanac], issue 6: *V poiskakh Grada Nebesnogo* [In search of the Heavenly City]. Kozelsk, Vvedensky Stavropegic Monastery Optina Pustyn Publ., 2020, pp. 133–153. (In Russ.)

Kozhinov, V. V. "K metodologii istorii russkoi literatury (o realizme 30-kh godov XIX veka)" [On the Methodology of the History of Russian Literature (On the Realism of the 1830s)]. *Voprosy literatury*, no. 5, 1968, pp. 60–82. (In Russ.)

Popovich, A. I. “‘Izobrazhaia zhertvu’: pafos oblicheniia i muchenichestva v sochine-niiakh Ivana Groznogo i Andreia Kurbskogo” [“‘Playing the Victim’: the Pathos of Denunciation and Martyrdom in the Works of Ivan the Terrible and Andrey Kurbsky”]. *Problemy istoricheskoy poetiki*, vol. 18, no. 4, 2020, pp. 67–98. (In Russ.)

Sakharov, V. I. *Russkaia proza XVIII–XIX vekov: Problemy istorii i poetiki* [Russian Prose of the 18th — 19th Centuries: Issues of History and Poetics]. Moscow, IWL RAS Publ., 2002. 216 p. (In Russ.)

Sdobnov, V. V. “Gogol’ i tsarskaia tsenzura” [“Gogol and the Tsarist Censorship”]. *Khudozhestvennoe vospriatie: problemy teorii i istorii: mezhvuzovskii tematicheskii sb. nauchnykh trudov* [Artistic Perception: Issues of Theory and History: Interuniversity Thematic Collection of Scientific Papers], Kalinin State University. Kalinin, 1988, pp. 87–93. (In Russ.)

Sviiasov, E. V. “Gogol’ i tsarskaia tsenzura” [“Gogol and the Tsarist Censorship”]. *Russkaia literatura*, no. 2, 1983, pp. 147–150. (In Russ.)

Eikhenbaum, B. M. “Osnovy tekstologii” [“Basics of Textual Criticism”]. *Redaktor i kniga. Sbornik Statei* [Editor and Book. Collection of Essays], issue 3. Moscow, Iskusstvo Publ., 1962, pp. 41–86. (In Russ.)

Khetso, G. “Gogol’ kak uchitel’ zhizni: Novye materialy” [“Gogol as a Teacher of Life: New Materials”]. *Scando Slavica*, vol. 34. Copenhagen, 1988, pp. 55–67. (In Russ.)